

АЛИ ДЬЯПО

НО ЧТО-ТО

ГДЕ-ТО

ПОШЛО НЕ

ТАК

КНИГА ПЕРВАЯ

ВЕРА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВДАЛИ ОТ ТЕБЯ

18+

Алли Дьяпо

Но что-то где-то пошло не так

«Автор»

2024

Дьяпо А.

Но что-то где-то пошло не так / А. Дьяпо — «Автор», 2024

Кто старше? Она его на десять лет, или он её на тридцать восемь? Но неужели для любви это имеет значение? Волею высших сил, а отчасти по собственной воле, им приходится расстаться, но даже сотни километров и сто дней не в силах разлучить их. Каждую минуту, каждую секунду они знают, - их любят и ждут. Ждут несмотря ни на что. Неправда, когда говорят, что с глаз долой из сердца вон. Настоящую любовь разлука делает крепче. Ведь даже сквозь расстояния и время они чувствуют друг друга, и готовы ждать и преодолевать все трудности и невзгоды, которые подкидывает им жизнь. И не только жизнь. Слишком могущественные силы заинтересованы в том, чтобы разрушить их Любовь. Вторая книга цикла "Но что-то где-то пошло не так".

Алли Дьяпо

Но что-то где-то пошло не так

«Я бы сошел с ума от несправедливости этого мира, если бы не знал, что последнее слово останется за Господом Богом».

Преподобный Паисий Святогорец

Всем женщинам, не делавшим аборт,
или раскаявшимся в оных посвящается.

Людам, неверующим в Божий промысел,
читать не рекомендуется.

Не нравится – не читайте.

Часть вторая

Вдали от тебя

Когда встречаются люди, предназначенные друг другу от Бога,
у них всё получается, несмотря ни на что.

Глава 1. 1973. Семнадцатое сентября. Мамы

По шоссе Кишинёв – Дубоссары шёл тёмно-серый автомобиль ВАЗ-2101. Скорость небольшая, водитель опытный, а дорога ровная, поэтому два человека, мальчик десяти и женщина лет сорока пяти, на заднем сиденье чувствовали себя вполне комфортно. От равномерного укачивания, недавних переживаний и хронического недосыпания пассажиров разморило, и они задремали, привалившись один к другому. Водитель, поглядывая за ними в зеркало посмеивался, тихонько напевая "О чем плачут гитары". Хит молдавского производства группы Норок. Постоянный спутник всех свадеб, крестин, проводов в армию последних лет. А у пассажиров были свои видения и воспоминания, и они не совсем соответствовали умиротворённой атмосфере, что царил в салоне автомобиля.

Маленький пассажир, однако улыбался. Сновидение его было простым и радостным. Они с Верой стояли на берегу реки, такой широкой, что другого берега не было видно. Но Фёдор знал, что это река. Не океан, не море, не озеро. Река. Течение её было быстрым, вода прозрачной, на дне виднелись красивые разноцветные рыбки и сверкающие камни. Вокруг огромные деревья, увешанные экзотическими фруктами, рядом бегали всех цветов радуги зверушки, а в ветвях деревьев пели такие же прекрасные птицы. Фёдор с Верой держались за руки, чувствовали себя одним целым и радовались. Здесь мы будем жить всегда, и никогда не умрём, потому что жизнь вечна, говорит Вера. Что мы будем здесь делать, спрашивает он, и она отвечает. Отвечает, глядя в его глаза своими жёлто-зелеными смеющимися глазами. Мы будем любить. Любить друг друга. И Бога...

Анна Сергеевна не улыбалась. Лицо её напряжённо, по нему пробегают волны изменений, от которых оно становится то прекрасным, то выражает озабоченность и тревогу. Водитель перестал напевать, всматриваясь в неё через зеркало. Анна Сергеевна заворочалась на сиденье, откинулась в другую сторону, к окну...

1941. Двадцать второе июня. Интерлюдия первая. Аня

Аня долго выцеливала бегущего позади цепи сухощавого офицера, с сильно мешающими ему при беге биноклем и планшетом. Уже и стрелять готова, тот ходу прибавит, никак не хочет остановиться и передохнуть. Экий, какой до русской земли охочий. Ладно, будет тебе земля, сейчас уткнёшься. Наконец, словно услышав её пожелание, сухощавый перестал размахивать пистолетиком, присел на колени, командуя, и, вот оно счастье, повернулся к ней всем корпусом.

Она осторожно выдохнула часть воздуха из груди, затаила дыхание и плавно нажала спусковой. Выстрел. Голова завоевателя разлетелась в стороны. Как кабачок на стрельбище. Это как я ему попала, и вообще, у меня случайно так вышло, или я уже настоящий снайпер? Но зрелище, как неприятное, так и впечатляющее. А вот нечего к нам ходить. Аня усмехнулась. Козлы.

После выстрела она резво сползла вниз руин и перевернулась на спину. Воды бы глоток. Чего она фляжку Ворожейкина не взяла, вот растяпа. Ему, мёртвому, всё равно ни к чему. И патроны не вытащила, с одной винтовкой ускакала, коза мичуринская, а не стрелок. В итоге остался один патрон.

Спина была мокрой до самой попы, да и задница тоже, чего уж там. Голову пекло от солнца, ноги жгло от жары. Угораздило же согласиться с тяжелораненым Мокрецовым и взять его юфтевые сапоги. Снять их может? Солнце жарило неимоверно, облака по небу плыли неторопливо, совсем редкие, тени ни создающие. Аня лежала в развалинах разрушенного польского фольварка, и как в тире расстреливала атакующие помещичью конюшню землисто серые мундиры. Этот четвёртый. Но офицер первый. Пока попадает...

Дальность прямого выстрела вполне позволяла, триста пятьдесят метров до дальнего взгорка, а до ближнего края, где она сейчас уложила офицера, вообще метров двести. Нет, наверное с хвостиком. Она старалась не заморачиваться с поправками на прицеле, так его и не освоила толком, дурёха. А ведь отец пытался научить, всё хиханьки ей, да хаханьки. Нет, в спокойной обстановке, когда можно всё неторопливо просчитать, она вполне сработает. Но когда вокруг творится такое, мозги на хотят думать, прячутся паразиты. Поэтому работала проще, дождётся как цель остановится, присядет или приляжет, и бьёт наверняка, как в мишень. Пока не промахивалась. Вот только один патрон остался.

Аня отложила винтовку на траву, отползла метров двадцать, осторожно высунулась в соседнюю дырку между двумя нависшими кирпичными глыбами, и присмотрелась в любимый театральный бинокль. Немцы отошли, в наших окопах суета, бойцы перебегают по ходам сообщений, тащат раненых. Взглянула назад, на дорогу к селу, тихо. Посмотрела в сторону немцев, те укрылись за дубовую рощицу, в низинку, выставив пару человек дозора. Сколько до них, метров пятьсот, попробовать что ли? Нет, промахнусь. Будем ждать. Эх, патронов бы, воды фляжку, да штаны вместо юбки...

Вчера вечером, уже затемно, скрытно вышли всей заставой. Из села коммунисты с комсомольцами подошли, до поздней ночи укрепляли заброшенные окопы перед мостом и переправой, рядом со старой конюшней. Пограницы удивлялись, с чего бы. Новые позиции под пулеметы готовили. Под ружьё противотанковое, только в мае полученное, три ячейки оборудовали. Здесь в фольварке снайперу лёжку обновили. Даже три. Ещё по одной снизу у дуба, и выше, за разрушенным флигелем, это новые. Всё для лучших стрелков отряда. Но один не добежал, лежит Ворожейкин у колодца, зато воды набрал. А другого где-то ляхи носят.

Аня зевнула, тишина какая, сразу в сон потянуло. Папа в расположение заставы никого не отпустил, под ночным небом досыпали. И правильно сделал, с утра заставу накрыло. Все там и остались бы.

Девушка отползла на старое место, легла на бок, закрыла глаза. Поспать бы. За спиной зашебуршало, Аня перевернулась на спину, направила винтовку в створ провала, ведущего в подвал. Наложила палец на спусковой крючок. Показалась морда Салимова, старшины погранзаставы, он же лучший стрелок отряда.

– Не стреляй, свои. Папа сказал тебе в Иваничи скорее бежать. Женщины ушли. И мама с ними. Председатель машину даёт, в одиннадцать пойдёт в район. Беги скорее, ещё успеешь.

Салимов присел рядом, разложил маскировочную накидку, бережно положил свою СВТшку.

– Ты что, ещё здесь? Беги, кому сказал.

– Вода есть? – Аня облизала нубы, – Дай попить, не жмись.

– Пей, только не много, мне тут весь день лежать.

Аня сделала три небольших глотка, остановилась, размышляя о своём, опять прильнула к фляжке, ещё три маленьких. Протянула фляжку Салимову.

– Спасибо Венер, ты настоящий друг, выручил. У тебя тряпки какой не будет? Голову повязать, печёт сильно. И патронов, десятка два хотя бы. А то я Мосинку схватила, а патроны с перепугу забыла.

– Какие десятка два? Что ты говоришь? Шайтан тебя путает, да? Папа сказал идти в село. Быстро идти. Бежать. Какие патроны?

– Венерчик, успокойся. Будешь нервничать, долго не проживёшь. В цель попадать перестанешь, какой ты снайпер, если нервничаешь?

– Не нервничаю я совсем. Безпокоюсь, что приказ командира не хочешь выполнять. Непорядок такой создаёшь.

– Это тебе он командир, капитан, а мне он папа. И я папу не брошу. Понял?

Неожиданно для неё Салимов перестал спорить, смирился, вытащил из вещмешка пачку патронов, положил с края накидки. На них бросил серый, замызганный, когда-то бывший белым, плат ткани. И уже сверху кусок хлеба с огурцом.

– Забирай девка.

Ткань ещё загрязним, потом на голову платочком, назад подвяжем, чтобы кисти не мешались. Патроны в обойму и в магазин, остатки по карманам в жилетку. Огурец с хлебом в зубы. Хорошо. Соли бы.

– Венер?

Венер тоже хрустит огурцом, заедая хлебом. Хороший мужик этот Салимов. Невысокий, но сильный, больше всех на заставе двухпудовую гирию жмёт. Чёрный, как смоль. Красивый. Ане нравится. Очень. Старый только. А вот Яблонский, тот молодой, как посмотрит, у Ани душа в пятки, тоже ей нравится. Ещё лейтенант Истомин. Хороший парень. Аня вздохнула.

– Что хочешь дева?

– Ты откуда?

– Из Чишмы, знаешь такой село?

– Село это оно. Значить такое, оно среднего рода.

– Эээ, какая разница, среднего, не среднего, Чишмы они одни на свете, других таких нет.

– Что, известное село?

– Очень известное, даже пословица про него есть. "Деньги есть Уфа гуляем, денег нет в Чишмы сидим".

– Почто так?

– Очень просто, когда у мужика много денег, едет в Уфу, в самые лучшие рестораны гулять. А когда мало, идёт в Чишмы, в ресторан на станции.

– Хороший ресторан?

– Очень хороший, и дешёвый, вот что самое главное. А какие там шашлыки готовят, пальчики оближешь. А по субботам и воскресеньям оркестр играет. Танцевать можно.

– Никогда в ресторане не была.

– Ничего, победим, ещё сходишь. Хочешь, приезжай к нам в Чишмы, шашлыков наедемся, а потом в Уфу.

– А шашлыки в Чишмы, они из чего делаются?

– Как из чего? Из барашка конечно.

– А на заставе из свинины делали.

– Фууу, из поросёнка не надо делать, грязное животное.

– Почему грязное? Все делают из свинины.

– Пусть все делают, а нам не надо, бесы в свинье водятся.

– Кому нам? Мусульманам?

– Почему только мусульманам, – поджал губы Салимов, – Православным тоже. Забыла, как Господь бесов в свиное стадо отправил?

– Так они же в пропасть все поныряли с обрыва.

– Эээ, дочка, это же фигурально, а вошли они по-настоящему, не только в это свиное стадо, а во всех свиней на свете. Понимаешь? Вон и папа твой не ест.

Анечка задумалась, и правда, папа шашлыки из свиньи есть не стал. И в столовой частенько мясное не берёт, и в доме из мясного только говядину и птицу мама готовит.

– А ты что, православный?

– Конечно православный, наш род ещё при Иване Грозном крестился, с тех пор всегда России служим.

– Советскому Союзу, наверное?

– Ох Анечка, Союзы приходят и уходят, а Россия остаётся. Смотри вон, опять немец что-то готовит.

Аня перевернулась на живот, приложила к биноклю. Вот гады, они минометы ждали. Сразу четыре расчета разворачивали минометы в сторону конюшни. Нет, один в их сторону вроде. Точно, засекли, сейчас вмажут.

Салимов рядом, смотрит в прицел СВТшки.

– Венер, они сейчас из минометов гвоздить начнут. А один, крайний слева, в нашу сторону разворачивают. Посмотри, сможешь их достать?

– Пятьсот метров, чего не достать, достану. Попаду не знаю, а достать достану.

Грянул выстрел, один мышастый сломался в животе, упал. Второй выстрел – мимо.

– Салимов, я под дуб ухожу, имей ввиду.

– Имею, имею, беги давай, – Салимов от прицела даже не оторвался. Опять выстрел.

Минометы заобволакивало лёгкими, почти серыми дымками. Всё. Мины пошли. Аня припустила со всех сил до дуба, уже не таясь, почти в полный рост. На пол пути приличная колдобина от высохшей лужи, в неё бы нырнуть, но поздно, в ушах свист с неба, точно поздно. Из последнего прыгает в яму, разрыв. Сознание, уже на грани перехода в другой мир, поймало последнюю разумную мысль – минометчики гады опередили, и, приняв импульс боли от мозга отключилось.

Глава 1. Продолжение. 1973. Семнадцатое сентября. Мама

Сознание, пережив очередной импульс боли от мозга включило его. Тот в свою очередь, ужаснувшись от глубины и силы болевых ощущений, выдернул из дрёмы голосовой аппарат, и женщина на заднем сидении, издав крик ужаса, пришла в себя. В левую, заднюю область головы, кто-то немилосердный, медленными толчками вводил широкое лезвие, а введя его, также неторопливо, маленькими рывками, вытаскивал назад.

– Анна Сергеевна, Вам плохо? – Фёдор с участием наклонился к женщине.

– Возьмите вот, – водитель протянул ей две таблетки но-шпы.

– Спасибо Николай, ещё долго?

– Всё уже, подъезжаем, скоро новый мост. Вас домой?

– Да, если можно.

– Анна Сергеевна, я к Вам на часик, морковь соберу, в погреб спущу, – подключился к разговору Фёдор

– Конечно, я тебе помогу, боль вроде отступает...

Николай, выгрузив их, поехал упаковывать вещи, а Фёдор стал собирать морковь в холщовые мешки из льняной ткани, оттаскивая их к погребу. В каждый сыпал по три ведра, слегка потряхивая, уплотняя, вышло три мешка полных, и ещё полтора ведра.

Из дома вышла Анна Сергеевна, тепло, не по погоде плотно закутанная, подошла к Фёдору, – Быстро ты управился. Давай в погреб, я подавать буду.

Вдвоём они опустили мешки вниз, Фёдор вылез, плотно закрыл первые дверцы. Потом, задёрнув тяжёлые брезентовые шторы, затворил основные ворота.

– Всё.

– Молодец, без тебя я бы не справилась.

– Анна Сергеевна?

– Да, Федь.

– Зачем Вам столько картошки?

– Продадим, она весной дорогая, до трёх рублей за ведро, а бывает и больше стоит.

– Подзарабатываете немного?

– Стараемся. Мы ведь также, как и вы, без жилья оказались, домик сгорел, денег строиться не было. А ещё Верочку учить. На зарплату медсестры особенно не разгуляешься. Хорошо дед Сергей пустил.

– А Ваша бабушка? Аренья, она же Вам бабушка? Почему не стали жить с ней?

– Аренья мне не бабушка, она свекровь, мама мужа, родная бабушка Веры по линии отца. Домик на неё завещала. Но жить вместе с ней нелегко, даже не знаю, как вы с ней уживётесь. А мы решили пока раздельно. И домик, он совсем маленький. Но вам будет легче, она вам не родная.

– А дед Сергей, он за Вами ухаживать пытался?

– Пытался? Вера рассказала? Близкие же у вас отношения, если такое про родную мать рассказывает.

– Обижаетесь?

– Нет, ни капли, она очень разумная девочка, если рассказала, значить на то была необходимость. А насчёт ухаживать, то скорее, как отец он мне. Папку моего с мамой в первый день войны Господь прибрал, мне семнадцать только исполнилось, так всю жизнь в сиротах и хожу.

– А дом что сгорел, вы с Верой теперь деньги на дом копите? Строиться будете?

– Вряд ли. Уже сил нет. Может Вера решится. Может выйдет замуж и вместе с мужем построят хоромы, а где-нибудь сбоку и мне комнатку выделят. Много ли мне нужно.

– Замуж? – Фёдор нахмурился, – А этот дом?

– Этот дом наша мечта, если соберём денежек, то выкупим, но времени почти не осталось. Внучок недавно приезжал, сам видел. В Израиль уехал, свою долю требует. Дед Сергей продавать кому попади не хочет, а нам ещё почти две тысячи нужно собрать. Если выплатим до Нового Года, Сергей нам продажу оформит.

– Выплатим Анна Сергеевна, обязательно выплатим. У нас ещё три месяца впереди.

Анна Сергеевна заулыбалась, – Ты никак помочь хочешь?

– Конечно поможем. На Руси всегда так выживали. Вместе. Соборно нас вытащили, и вас, Бог даст вытащим.

– Спасибо. Кстати, сразу просьба. Пятого октября День Учителя. У нас в школе с утра тоже торжественная линейка. Выезд в поле обычно чуть задерживают, учителей поздравляют.

И без цветов сам понимаешь никак. Ребятишки с родителями за цветами к нам пойдут ещё с вечера. Много не берем, не рынок поди, но немного подзаработать не грех. Приходи четвертого числа с ночёвкой, будем с тобой цветочками торговать, видел у нас сколько? Придёшь?

– Цветы у Вас на загляденье. Приду обязательно. Я ещё в субботу хотел прийти, свеклу выкопать. К часу подойду? Не поздно?

– Не поздно, приходи конечно.

– У меня ещё вопрос предложение. Николай говорит, дорожники планируют начать работы по капитальному подъезду к строящейся птицефабрике. Вернее, работают не они, но под их курированием. И там будут выпиливать ветрозащитную посадку и небольшую тополинную аллею. Есть возможность завезти пару машин дров. Из тополя конечно дрова не очень, но у нас и зимы нехолодные. Вам нужно? Давайте завезём? У Вас с дровами смотрю неважно.

– Дорого?

– Совсем копейки, по рубль двадцать за доставку.

– Было бы хорошо. Нам машину и Сергею Абрамовичу. В крайнем случае хотя бы одну на двоих. Уголь нам завезли ещё летом, как фронтовикам, а с дровами совсем плохо. Так что вези, сильно выручишь.

– Отлично, где-то в середине – конце октября.

– Ну как получится, на растопку пока есть. Пойдём ужинать? Картошки нажарим. С огурчиками. Пойдём?...

Приглашению Фёдор удивился, как и готовности Анны Сергеевны идти навстречу, отвечать на вопросы. Как она изменилась. Что стало причиной? То, что произошло на вокзале при отъезде Веры? Будучи одним из двух главных действующих лиц этой сцены, он и представить не мог, как это выглядело со стороны. Мелодрама.

А ведь она стояла рядом и всё видела. Видела откровение Веры, её затяжной поцелуй. Его позднее, уже не слышимое Верой ответное признание. Но она то слышала. Значит, ли это, что он стал ей ближе, что она стала доверяться ему, увидела в нём друга? А может быть будущего спутника Веры? Как бы ни было, Анна Сергеевна неожиданно для Фёдора раскрылась, он почувствовал ответный интерес и расположение, желание сблизиться и общаться.

– Анна Сергеевна, а почему вы медсестрой работаете? У Вас ведь высшее образование, медицинский заканчивали. Почему тогда?

– Почему? – переспросила Анна Сергеевна, – Тебе интересно? История непростая, и неприятная.

– Расскажите, если можно.

– Можно, если слушать хочется, почему нельзя.

Анна Сергеевна помешала на сковородке картошку, присела за стол и долго, и пристально вглядывалась в Фёдора. Ему прям не по себе стало. Сидит красивая немолодая женщина и в упор разглядывает его, пятидесяти шестилетнего ребёнка. Без стеснения и малейшего стыда. Действительно как ребёнка. Любому не по себе будет, не правда ли?

– Вы что, Анна Сергеевна?

– Красивый ты Фёдор. И не только красивый. Есть в тебе ещё что-то, не могу пока уловить. Неудивительно, что Вера тебя выбрала. Или ты её?

Фёдор с ответом совсем растерялся, только лихорадочно хлопал глазами. Вот так признание. Какой же он красивый? Обыкновенный. А так да, до сих пор не может понять, чего такого в нём Вера нашла.

– Ну да ладно, слушай. Я в институт в сорок пятом поступила, в первый послевоенный набор. После войны в институты не только по оценкам принимали, сдала на троечки, а ещё и работала к тому же. Причём не где либо, а в хирургии, операционной сестрой. Это с войны ещё у меня, с госпиталей. Самые страшные госпитали ведь не эвакуационные, в них было легче. Самые страшные госпитали прифронтовые. Подвижные полевые госпитали. Нам поесть было некогда, в обмороки падали от изнеможения. Там настоящий ад. Если он на земле возможен, то это там. Чего не насмотришься, что только в них не делали. Представь, приволакивают солдата, а у него обоих ног нет, в обрезках уже черви, они на жаре быстро заводятся. И что с ним, куда его? Руки, ноги, резали как ветки на лесоповале. Вопрос выбора максимально упрощался: или живёт без ног, или умирает с ногами. Что там с людьми делают, если бы ты Фёдор видел.

Анна Сергеевна помотала головой со стороны в сторону, словно стряхивая тяжёлые воспоминания. Встала, помыла пару помидор, порезала сыр, достала из банки малосольных огурчиков. Подошла к плите, перемешала картошку, попробовала. Посолила, опять попробовала.

– Готово. Господу помолимся?...

Жареную картошку Фёдор любил. Потому съел две полные тарелки. И сыр с чесноком и помидором любил. Съел и свой помидор, и второй, для Анны Сергеевны предназначенный. Она, увидев такое дело, целую миску намыла, ещё головку чеснока начистила, ешь от души. Уже налив чаю, Анна Сергеевна продолжила.

– За десяток лет я до главного врача доросла, открытая дорога везде. Коммунист, орденосец, высшее медицинское образование, колоссальный опыт работы ещё с войны. В пятьдесят пятом долгожданного ребёночка родила, вымолили-таки Верочку. А через десять дней, день в день, Петеньку схоронила. Они тогда батальонами уходили из жизни, фронтовики недолеченные. Только и успел порадоваться перед смертью, доченьку на ручках подержать. Зимы конец, снежок, тишина кругом, сердце радоваться должно, а мы гроб в землю опускаем. Осталась я одна, почти одна, с Верочкой на руках и братом двоюродным, Николаем. Калекой без ноги и без руки, ну и по мужской части совсем никак. Николай пенсию правда небольшую получал, не пил, с Верочкой возился, и на том спасибо. Он мне тогда палочкой выручалочкой был. Хороший человек, да тоже в этом мире не задержался, через четыре года помер.

– А вы уже в Дубоссарах жили?

– Да, у нас здесь как боевое братство сложилось, много ребят после войны осталось. Помогали друг другу, да и сейчас ещё помогают, не забывают.

– А дальше как жили? Верочку одной нелегко поднимать было?

– Нелегко не то слово, власть чудить начала. Хрущёв к руководству ещё осенью пятьдесят третьего пришёл, реформы затеял, перестройку.

– Фёдор вздрогнул, – Перестройку?

– Так нам вначале казалось. Он на верху глупости творит, а народу боком выходит. Или с умыслом страну стал разваливать, или по недалёкости своей. В пятьдесят пятом приняли закон об абортах, сталинский запрет отменили. Конечно и до этого лярвы своих детей убивали. Но всё это подпольно было, власть спрос имела. А тут, что в стране началось. Пошла по больницам жатва, узаконенное убийство невинных детишек. Настоящее бесовское жертвоприношение. Докатилось и до нас. В пятьдесят седьмом, летом, циркуляр пришел, за месяц абортарий оборудовать, и отчитаться в Кишинёв. А я верующей с малых лет была, для меня аборт – это убийство...

Она глубоко вздохнула, переживала по новой, видно было. Фёдор представил себе, как это было наяву. Вот она, и вот строгий и конкретный приказ, через месяц ввести в работу абортарий, и отчитаться о первых операциях, а суть – убийствах. И она, главный врач районной больницы по должности, а по жизни вдова с маленьким ребёнком на руках, десять лет не могущая забеременеть и родить. Для неё рождение Верочки величайшая Божья милость, а тут самой необходимо пыточную убийственную камеру оборудовать.

Анна Сергеевна в печальной своей думе не видела Фёдора, не видела этой комнаты, была в своём, стороннем от этого, мире. Наконец, вынырнув из облака воспоминаний продолжила.

– Почти год сопротивлялась под разными предложениями, жалобы шли потоком, торопились советские женщины от детишек избавиться. Наконец, в пятьдесят восьмом, комиссия приехала со мной разбираться.

Анна Сергеевна опять замолчала, и Фёдор не выдержал.

– Разобрались?

– Из партии исключили, дело завели. Саботирует решения партии, ведёт вредительскую работу, проводит антисоветскую религиозную пропаганду. Десять лет. Но кто-то наверху заступился. Или замолился. Закончилось тем, что перевели в приёмное отделение медицинской сестрой. Иногда правда зовут помочь при операции, когда персонала не хватает. Самое интересное, по выводам и под давлением комиссии, под абортарий выделили отдельное здание, большой деревянный флигель за больницей. За месяц обустроили, готовили к запуску в работу четвертого ноября. А он возьми и стори в первый же день, одиночная молния в ясный день, да ещё и в осень сверкнула, и домишко разом вспыхнул. Сухой дом, горел свечкой. Пожарные даже подъехать не могли, такой жар стоял.

– Вас не привлекли?

– Мне, как штрафнику, отпуск на осень перенесли, и мы с Верочкой в это время на юге были, в Лоо отдыхали дикарями. Там подруга фронтовая, Машенька, и сейчас там живет. Алиби стопроцентное. Так до сих пор у нас абортария и нет. Сейчас опять зашевелились, бесёныши...

Анна Сергеевна примолкла, вглядываясь в окно, на дворе ощутимо стемнело, уже не было видно установленной Фёдором у забора скамейки, тропинка к калитке обрывалась на половине, исчезая в темноте. Хоть глаза выколи, подумалось Фёдору. Пора домой идти, ещё Николай с вещами должен подъехать.

– Тебе домой пора, мать, наверное, беспокоится.

– Да, пойду. Спасибо Вам за всё Анна Сергеевна.

– За всё?

– Ну да, за всё.

– Тебе спасибо Фёдор. Тоже за всё. И за Веру тоже. Изменилась она с тобой. Веселее стала, жизнерадостнее. И взрослее. Растёт деточка.

Анна Сергеевна провожала Фёдора взглядом, пока он не исчез в темноте. Стукнула калитка, Фёдор вышел со двора, а она ещё долго смотрела невидящим взором в окно. Вера, Вера, печаль моя, угораздило же тебя с этим мальчуганом. И ничто не поделаешь, любовь есть Любовь...

Дома мать шила на швейной машинке. Увидев Фёдора, отложила шитьё, встала к нему, обняла. Красивая, стройная, гибкая. С легким, почти незаметным запахом сирени.

– Так долго тебя не видела. Как ты? Проводил Верочку?

– Да, вместе с Анной Сергеевной. Николай нас завез. Как приятно от тебя пахнет.

Мать смутилась. Что это? Раньше за ней такого не замечал. Федор вгляделся в шитьё. Шьёшь? Не темно?

– Николай духи подарил. Недорогие, скорее знак внимания, я просила больше дорогих подарков не делать.

– Он уже приезжал? Вещи привёз?

– На минутку буквально. Вещи завтра с утра привезёт, я сказала к шести подъезжать. Не рано?

– Нормально, в шесть как раз. Тебе шить не темно? Под одной лампочкой?

– Темновато, и места не очень, разложиться негде. Зингер бы в уголок перенести, сделать столик, местное освещение поярче.

– Сделаем мам. Завтра и сделаю к вечеру. Вот сюда, в нишу между шкафом и углом комнаты. Но освещение только искусственное будет. Окна здесь нет. Две лампочки поставлю.

– Пусть искусственное, главное, чтобы светло было. Когда тепло, могу дверь приоткрыть. У меня сегодня праздник небольшой, подруга заведующей заказала костюмчик, как у неё, юбку с блузкой. Сорок рублей за работу договорились. Десять рублей аванса уже дала.

– Здорово. И так много согласна платить?

– Согласна, правда там ещё платье вечернее планируется в будущем, Но это дополнительно. А так да, хорошо. Правда?

– Правда. А у меня сегодня тоже праздник. На всю жизнь.

– Интересно. И какой же?

– Мне Вера в любви призналась.

Улыбка шагреневой кожей сползла с лица мамы. Она встревоженно смотрела на Фёдора, ожидая продолжения рассказа.

– Прямо на вокзале. Поезд уже уходит, а мы целуемся, то есть она меня целует. Прямо при всех, при маме, при провожающих. А потом. Потом...

Фёдор замялся, не зная, как обрисовать происходящее событие. Слова всё не те, принижающие, обедняющие. Так ничего и не придумав, перескочил дальше.

– А потом я ей тоже признался. Только она этого не услышала.

Мать, потрясенная, прижала руку к губам, покачивая головой, – Федька, что же вы творите...

Глава 2. 1973. Двадцать второе сентября. Первое письмо

Всю неделю Фёдор пахал. Пахал на зарядке. Пахал на орехах. Пахал в школе. Пахал на тренировках. Пахал дома. Пахал, пахал, пахал. Ложился спать в девять вечера, просыпался в четыре тридцать. Дошёл до состояния где сяду, там засну. В прямом смысле. Зато все оставались довольны.

Довольна Ареня. Ей с коровой уже тяжело было. А он научился доить, делать творог и масло, сыр и брынзу. Перекрыл новым рубероидом крышу на сеновале. Убрал навоз этого года в яму, на перегной. Залил его водой, и накрыл старыми кусками рубероида с крыши, привалив обломками битого кирпича и оставив большие дыры для воздуха и дополнительного залива водой. Пусть гниёт до следующей осени.

Довольна мама. В крошечном уголке он умудрился устроить ей мини швейную мастерскую. Нашёл на чердаке четыре старых сухих доски, обрезал, шлифанул рубаночком. Сколотил небольшой столик, в который умудрился встроить на постоянной основе Зингер. Провел свет в две лампы по шестьдесят ватт. Слепил на них абажуры из кусков старого алюминия. Даже

смог прилепить к стене откидной раскроечный столик, чему мать несказанно обрадовалась. А когда Фёдор пересчитал их семейные накопления была немало удивлена, они превысили пол тысячи рублей. Назвала его кормильцем и защитником. Фёдору было приятно.

Очень довольным был Ванечка. После двухнедельного полуотсутствия Фёдора, теперь он каждый вечер получал свою сказку. Слушал терпеливо до конца, и только после этого, пожелав маме и Фёдору спокойной ночи и сходя в туалет, засыпал. Причём в горшок ходить наотрез отказался, и ходил с Фёдором в нужник на улицу, объясняя, что он настоящий мужик, а мужики в горшок не ходят.

Доволен и прямо светился Игорь Валерьевич, считая Фёдора полностью готовым, и уже планируя дальнейшие планы. В феврале сдать за четвёртый класс, а в мае за пятый, с тем, чтобы в новый учебный год пойти в шестой. Ни о чём, кроме учёбы, они не разговаривали, и Фёдора это полностью устраивало.

Довольным выглядел Владимир. За четыре дня Фёдор добил ореховую посадку вдоль автотрассы, и наверняка принёс ему немалую прибыль, сам оставшись на этом направлении безработным. Володя с ним полностью рассчитался, пообещав подъехать в начале октября по поводу дров. Заработок Фёдора на орехах был основным заработком семьи в сентябре, и заработал он почти в четыре раза больше матери.

Доволен был единственный друг Васька. Фёдор стал регулярно посещать тренировки, куда они ездили вдвоём на велосипедах. Фёдора часто ставили работать в паре с Васей, и тому было чему от него поучиться. Девчонки тоже встретили Фёдора весьма радушно, и ему показалось, что даже более того. Он неоднократно ловил на себе взгляд то одной, то другой. Особенно Гали. Вскоре у них сложилась своя компания, и они стали ездить на тренировки и домой вчетвером.

Но, наверное, самым довольным остался Николай Александрович. Его первоначальный холодок, из-за двухнедельного пропуска Фёдором занятий, сменился вначале интересом, а потом и уважением. Запредельные для его возраста техники, их безупречные связки ставили Николая в тупик своею отточенностью и законченностью. Понимая, что в девятилетнем возрасте это невозможно, и видя их воочию, он, мягко говоря, недоумевал. А узрев ненасытную трудоспособность и желание работать, невольно, сам себе, стал пророчить Фёдору великое будущее боксёра и борца. Конечно, недостатков выше крыши. Скорость не очень, дышалка слабовата, смазывает удар левой. Зато растяжка и гибкость вообще на высоте, на шпагате в минусах градусов на тридцать работает. И техника, техника, это что-то. Приёмы схватывает на ходу, удар держит как взрослый, в челноке двигается как по начерченному. Окончательно встал в тупик, увидев владение Фёдора ногами.

В среду, распустив ребят пораньше в силу лёгкого недомогания, услышал, что кто-то работает с грушей после тренировки. До прихода взрослых было время, средняя группа разошлась, в зале никого быть не должно. Он сидел в прострации с кружкой чая. Наконец, не по делу распалившись, вышел готовясь дать нагоняй неизвестному трудоголику и стал невольным свидетелем некоего боя с тенью ногами. Минуту простояв у косяка двери, он, по окончании Фёдором боя, когда его позвали девчонки на выход, тихонечко ретировался в тренерскую. Присев на стул и ничего не понимая, долго вспоминал сплетенные во единое целое Фёдоровы выкрутасы. Мастером вырастет был его вердикт. Парня надо беречь второй...

И вот наступила суббота, проходившая у него как самоподготовка, спасибо Игорю Валерьевичу, сумевшему внести коррективы в программу. Всю неделю Фёдор старался не думать о Вере. Она была в его жизни не как мысль, но как постоянное присутствие. Когда ты не думаешь о человеке время от времени, порой прерываясь в мыслях, но, как если бы ты создал себе его образ, который постоянно присутствует здесь и сейчас. Так живут истинно верующие, осознавая постоянное присутствие Бога.

Принимая постоянное присутствие Веры, он понял, что ему стало легче. Это даже не относилось к категории легче – тяжелее. Это было по-другому. Она присутствовала рядом всегда, и не разговаривая с ним, одобряла его поступки, или хмурила бровки, если ей не нравилось. Морщила лобик и оторачивалась, если сердилась. А раз, когда он срубился от усталости прямо на навозной куче, приснилась. Сон был смешным, и, проснувшись чрез минуту, он смеялся вместе с ней над собой, когда вошла мать. Марья Семеновна была немало удивлена, увидев сына в девятом часу вечера залиvisto смеющимся, сидя на навозной куче. Надавлив на Фёдора мать увела его спать, не обращая внимания на возражения и объяснение, что он ещё не закончил, что осталось совсем немного. Пришлось идти в сараюшку, мыться в чане и ложиться спать.

Теперь он сидел во дворе Анны Сергеевны, под навесом, и ждал. Поняв, что так ничего не высидишь, самой хозяйки не было во дворе, дом закрыт, Фёдор легонько постучал. Тишина. Время хоть и не раннее, но и не обед ещё, и Фёдор решил не будить Анну Сергеевну, самому взяться за дело. Через час он выкопал свеклу. Ещё через полчаса, отрезав ботву и оставив небольшие хвостики, разложил просохнуть, и, опять присев под навесом, незаметно заснул. Проснулся от голоса соседа.

– Здравствуй, племя молодое, незнакомое! – дед явно обращался к нему.

– Здравствуй дед, – поздоровался в ответ Фёдор.

– Анны Сергеевны до обеда не будет, её в больницу срочно вызвали. Машина за ней приезжала, – с уважением к Анне Сергеевне сообщил важную новость дед.

– Понятно, – с огорчением ответил Фёдор.

– Да ты не расстраивайся, она скоро приедет, пойдём пока по чайку ударим, позавтракаем заодно. Или пообедаем уже? Смотрю рано встаешь, по утрам ни свет, ни заря уже на пробежке.

Есть действительно хотелось, с утра пара бутербродов с маслом, вот и вся еда. Ааа, ладно, ничего не теряю, пойдём деда объедать.

– Пойдём дед, только аппетит у меня отменный, сможешь прокормить?

– Пойдём, пойдём. Посмотрим сколько тарелок ты сможешь приговорить, – усмехнулся дед.

Приговорить удалось три тарелки. Огромных три тарелки наваристого борща, с солидным кусом говядины в каждой. Фёдор не раз подумывал бросить есть мясо, но видать не созрел, устоять перед таким царским яством не мог. Поев, отвалился на спинку стула.

– Спаси Господи, Сергей Абрамович.

– И тебя спаси. Может ещё тарелочку?

– Нет, нет, что Вы. Наелся, больше не влезет. Вы отменно готовите, хоть сейчас шеф поваром в хороший ресторан ставь.

– Я всю жизнь или по дереву, или готовил, с детства разрывался между деревом и подработкой по трактирам и ресторанам. Мне сам запах готовящейся пищи нравился. В гражданскую, в отряде у Щорса, на повара поставили. Мои сверстники белых крошили, а я кашу готовил. Ну, правда в двадцатом и мне пришлось повоевать, с поляками. Потом с Врангелем, а закончил на Кавказе. На войне, в первый год в поварах ходил. Это уже в сорок втором в сапёры перешёл, надоело в обозах, в обнимку с кухней ездить. Два года отвоевал. В августе сорок четвёртого, здесь, под Дубоссарами, ранение с контузией, перешёл опять в повара. В одном госпитале с Анной Сергеевной "довоёвывали", она сестрой хирургической, а я кашеварил, ну и её подкармливал, худющая как кошка была. А потом, после войны, в ресторане Нистру работал, он ещё в деревянном здании был, здесь же на Котовского.

– Богатая у Вас биография. Можно книгу писать.

– Хочешь – пиши. А биография у многих моих сверстников такая. Время было такое. Не мы его выбрали, оно нас.

– Не жалеете ни о чем?

– Как же не жалею, много о чём жалею. Рассказывал ведь уже. Молодым был, а где и дураком настоящим. Если б молодость знала. Но уже ничего не переделаешь. Жизнь человеку дается один раз и ничего не вернёшь. Это у Господа нет времени, а человеку жизнь выделена во временном диапазоне. Есть оно счастье, а секунда прошла, и нет его. Беречь его надо, время. Наслаждаться им. Не растаскивать по пустякам. Не вернёшь потом ни одной минуты, ни одной секунды. Уйдёт сквозь пальцы, впитается как вода в песок. И ничего не вернёшь. Ничего...

Фёдор вспомнил, как бездумно транжирят время в его прошлом будущем. Интернет – главный пакостник и похититель. Социальные сети, дорамы, электронные игры, спортивные зрелища, порнуха. Каждый найдёт себе в нем занятие по вкусу. А суть, потеря времени. И это ещё не самое худшее. Потеря времени, это упаковка потери души. Фёдор вздохнул.

– А сейчас чем занимаетесь? Во дворе у Вас порядок идеальный, по дому в основном работаете?

– Сейчас? Сейчас к смерти готовлюсь, грехи вымаливаю. Ничего уже не интересует, всё в прошлом. В теле жизнь необходимо поддерживать, иначе грех, вот и поддерживаю, а так всё равно.

– А внук?

– Он другой. Он чужой, – дед горестно вздохнул. – Не такой я видел свою старость, не так.

Хлопнула калитка, опять пружину не ослабил, в какой раз подумал Фёдор. Дед выглянул в оконце.

– Вот и Анна Сергеевна пришла, беги давай. Как закончите, приходите оба, я через часик плов начну готовить, потом в подушки закутаю, он долго горячий будет. Стоять – настаиваться. Узбек меня один научил. Карим. На переправе через Днестр погиб, до последнего за свою кухню боролся, когда та под воду уходила. Взрыв рядом, осколок в шею, он за подножку зацепился, так вместе с кухней в воду и ушёл. У каждого на войне своя техника была. Упокой Господи его душу, – дед Сергей перекрестился...

Удивительное дело, Анна Сергеевна, увидев Фёдора искренне обрадовалась, как несказанному другу, иль дорогому гостю. Повела его в дом, усадила в центр стола. Фёдор сразу ощутил торжественность момента, восторженно насторожился в предчувствии праздника. И праздник состоялся, Анна Сергеевна принесла из своей комнаты деревянную, с резным орнаментом шкатулку. Достала оттуда конверт.

– Нам с тобою письма пришли. Это тебе Фёдор. От Верочки. Можешь не петь.

Сердце выпрыгнуло и, приплясывая, умчалось в далёкие дали, оставляя за собой инверсионный радужный след радости. Ум бы тоже станцевал, но ему, заземленному, было не сдвинуться, и он запел, пытаясь обратить на себя внимание. И лишь душа, робко и осторожно приблизилась к пакету и взяла его изящными тонкими пальцами. Не смея дышать смотрела она на белый конвертик с изображением Фёдора Шаляпина к его столетнему юбилею. Душа смотрела на конверт, но не видела певца, она взвешивала послание, пытаясь проникнуть внутрь, понять, что там. Не веря своему счастью, она скромно улыбалась, не осознавая того тектонического сдвига в их отношениях. Письмо. Письмо от Веры. Какое счастье, Господи.

– Можно? – спросил Фёдор Анну Сергеевну.

– Конечно можно, – Анна Сергеевна положила на стол ножницы.

Сердце увидев, что письмо вскрыли, быстренько заняло свое законное место и приготовилось вкушать самое изысканное кушанье в своей жизни. Фёдор осторожно развернул тетрадный, в линейку, лист.

17.09.1973. 18ч. 45 мин.

Поезд Кишинёв – Ленинград.

Здравствуй мой любимый Фёдор Александрович.

Всё, что накопилось в сердце моём было сказано при расставании, и я ни капли об этом не жалею. И уже теряя тебя из виду увидела, что ты сказал. Никогда не умела читать по губам, но знаю, ты сказал именно это. И я благодарю Творца, и говорю тебе Спасибо за твои слова. Рада за тебя, рада за себя. Слава Богу за всё...

Попутчиками оказались муж с женой и пятнадцатилетним подростком, едущие в Ленинград на международный шахматный турнир. Общаются сами с собой, и с шахматами, а мне и радостно оттого.

Сразу села за письмо к тебе, и глядя в окно на бегущие виноградники и сады, вспоминаю нашу первую встречу, твои изумлённые глаза и моё ощущение беспокойства от пристального оценивающего взгляда. Как я возмущалась в себе, мне всё время казалось, что где-то пятнышко, или ниточка и ты на них смотришь, а я испытывала неловкость.

Вспоминаю наши прогулки по Днестру, наши приключения и переживания. Помню, как сейчас, как мы копали картошку, и наши взаимные обещания. Ты тоже помнишь, правда?

Господи, мы знакомы всего две недели, а я не мыслю жизни без тебя. Какая радость, – ты в моей судьбе. Но хватит об этом, больше не напишу ни слова о своем счастье, скажу только при встрече. Готовься.

21ч. 55 мин.

Пишу при свете ночника. Соседи уже наигрались, насмотрелись на шубку и спят. Добрые и милые люди. Весь вечер вспоминала песню нищей девушки и разглядывала её подарок. Где соответствие? Шубка новая, словно из магазина, на ценнике даже цена в франках. Она очень дорогая. Откуда у неё такая вещь? Ведь есть граница, таможня. И зачем мне такой дорогой подарок от совершенно незнакомого человека? Странно.

Очень долго пыталась перевести и построить песню странной девушки в стихотворной певучей форме. Оказалось, совсем непросто, что-то не запомнила, пришлось домысливать. Что-то не поддается прямому переводу, в русском языке не нашла точного слова, пришлось вставлять подходящее. Что получилось привожу ниже.

*В краю у самых синих гор, и ледяных ручьев,
Где старых яблонь белый цвет, и шёпот муравьев,
Жила на радость всем святым красавица в саду,
Она пыталась изгнать унынье и тоску.
Зачем тоска, зачем печаль, гнетёт твои года?
Всю жизнь ты посвяти ему, служенью во Христа.*

*Кометой жизнь твоя летит, красавица моя,
И вот герой с других времён ведёт тебя туда,
Где сладких обещаний лес, где полон луг цветов,
Где не увидит ничего, среди дурманных снов,
Где жизнь прервётся на ходу, ах как же хороша
Красавица в гробу. На ней венчальная фата.*

Прошу, милый мой, не суди строго, я не переводчик, и не поэт. Но на душе стало неспокойно, гложет мысль, не про меня ли? Зачем она вообще подошла к нам, мы ведь её не звали? Но верю, пока мы вместе, всё будет хорошо.

*Слава Богу за всё. Спаси Господи.
Вера.*

Фёдор посмотрел на штемпель отправителя. Восемнадцатого сентября. Четыре дня назад. Написала письмо в мчащемся поезде. Утром отправила. Быстро. Конверты предусмотрительно взяла с собой. Вначале хотела поделиться счастьем, а потом тревогой и переживани-

ями. А в конце вообще занервничала, и пусть косвенно, но обратилась к его защите. Но как он может помочь ей, находясь почти в двух тысячах километрах?...

И сразу Ангел Хранитель подсказал, – молитвой. Святая Вера. Мученица святая Вера. Её мама София, её сестры Надежда и Любовь. А тридцатого сентября день памяти святой мученицы отроковицы Веры.

– Письмо пришло вчера вечером, я не стала тебя беспокоить, зная, что ты придёшь сегодня утром. А с утра меня срочно вызвали в больницу на подмену, у Фаины ребёнок заболел, и она попросила до обеда подменить.

Мама не сводила с него глаз, видя его переживания, она искренне расстроилась, что не сообщила о письме в тот же день, ещё вчера. И теперь как будто оправдывалась.

– Федя, ты как? Что пишет Вера?

– Да нормально. Вера немного переживает, три месяца в большом городе, так далеко от семьи. А тут ещё эта дурочка на вокзале привязалась.

– Она не дурочка в буквальном смысле. Это Лика Кагульская, юродивая и блаженная. Летом ходит в зимней одежде, зимой в одном платье с платочком. Речью связной не очень владеет, всё в песнях поёт и стихами бормочет.

– Так где Кагул, и где Кишинёв, тем более что ей на вокзале делать?

– Поди узнай, а так ей всё едино. Она по всей Молдавии кочует, на Украину заходит, даже в Белоруссию и на юг, в Краснодар, в Ставропольский край. В Крыму и на Кавказе говорят видели. Милиция на неё рукой махнула, дурочка, что возмёмшь?

– А мы ей зачем? К нам чего прицепилась?

– Может сказать, что хотела, или предупредить.

– А Вы молдавский знаете? Поняли о чём она пела?...

И Фёдор увидел по глазам, поняла. Мама всё поняла ещё там, на вокзале. Поняла раньше Веры, и тем более раньше его. Поняла и прониклась. Потому и плакала на вокзале, оттуда и приступ острой боли в машине, когда возвращались.

Анна Сергеевна опустила на стул, – Что делать будем, Феденька?

Фёдор видел её страдания. Ведь у неё в этой жизни дочь как свет в окошке. Для неё живёт, для неё дышит. Да, есть ещё Аренья, но это совсем другое. А Верочка её доча, частичка её, кровинушка. Фёдор понял, какой невероятной силы духа эта простая русская женщина. Всё поняв и пережив она не смела никого тревожить, оставив переживания себе, взвалив крест знания и ответственности лишь на одну себя. И она так и несла бы этот крест в одиночку, не жалуясь, не скорбя о его тяжести, не прося помощи. Мучилась бы, плакала по вечерам, тосковала по своей ненаглядной Верочке, читала её письма по много раз за вечер, пытаюсь утешить свою истрадавшуюся душу. И молилась. И всё это было бы без него. Но теперь нет,

теперь нас двое. Ты, её мать, и я. Кто есть я для неё, задался Фёдор вопросом. Кто бы ни был, но я у неё есть, ответил сам себе.

– Молиться будем Анна Сергеевна. Молиться. Знаете, в православии есть такое понятие – молитва по соглашению. Это когда в одно время, в разных уголках православного мира люди молятся об одном и том же, читая одинаковые молитвы. Даже если их разделяют тысячи и тысячи километров. Мы сделаем также. Но не только молитвами, а ещё и акафист давайте будем читать. Святым мученицам Софье, и её дочерям. Как раз тридцатого будет день памяти святой мученицы отроковицы Веры. Можно в Кишинёв съездить в храм, там наверняка икона Веры есть. Свечи поставить. Поедете?

– Замечательно, конечно поеду. И акафист у меня есть. Сейчас.

Она вышла в свою комнату, и через минуту вернулась с листками бумаги в руках.

– Вот, он правда уже потрёпан, и не очень хорошо видно. Но я сегодня постараюсь переписать под копирку в трёх экземплярах, один отдам тебе, один Арене передам. У меня почерк неплохой, разборчивый, не как обычно у врачей, читать будет легко. И пишу я быстро.

Анна Сергеевна говорила с воодушевлением, как человек, длительное время находящийся в безвыходном плачевном состоянии и вдруг, внезапно увидевший выход из своей тяжелой, неразрешимой ситуации. Поймала взгляд Фёдора, и на порыве шагнула к нему.

– Всё наладится, правда? Всё будет хорошо, да Федечка?

И Фёдор, на таком же порыве, съёжился, как-то враз уменьшился, согнул голову и, сдерживаясь из последнего, чтобы не зануть по-бабски, ткнулся головой ей в живот. Тёплый, мягкий, но упругий. Анна Сергеевна вздрогнула от неожиданности, охнула, но не отступила. Несмело положила руку ему на голову. Погладила раз, другой. Почувствовала к нему, этому мальчишке, росшему без отца, особую нежность, почти любовь. Мальчик, быстро, ураганом, вошедший в их с Верой жизнь, стал своим. Почти сыном. Испытав к нему особую расположенность, тут же перешедшую в жалость, она гладила вихры его волос, приговаривая: – Всё будет хорошо, теперь я знаю точно, вот увидишь, всё будет хорошо.

И Фёдор, как спустившееся сверху откровение, понял, он совсем, совсем маленький. Ему девять лет. И у него появилась ещё одна мама. Вторая мама...

– Федь, ты кушать хочешь? – Анна Сергеевна прекратила ласкать его горемычную голову.

– Нет, спасибо, меня Сергей Абрамович накормил, в жизни не ел такого вкусного борща.

– Он может. Почти всю жизнь поваром, где только не работал. И человек хлебосольный, и руки золотые. У нас же как, вначале о деле, а остального вроде и не бывало. А у него вначале человека нужно накормить, напоить, и только потом разговор. Не во время еды, а именно потом, можно во время чая, но на сытый желудок. Кстати, может быть чаю?

– Нет, спаси Господи, и чаю напился. Сергей Абрамович приглашал нас вечером на плов, по особому узбекскому рецепту. Его друг на фронте научил.

– Можно, плов у него объеденье. Я пока пойду акафист переписывать, а ты, хочешь у Веры посиди. Книги почитай. Могу журналы дать, "Техника Молодёжи", Вера давно выписывает. Хочешь, фотоальбом семейный дам посмотреть.

Вот как. Вера выписывает "Технику Молодежи". А ему ничего не говорила, забыла поди, и фотоальбом не показывала. Есть у девчонки скрытые уголки. На потом припасённые.

– Анна Сергеевна, давайте я лучше что-нибудь поделаю. А фотоальбом мы с Вами вместе после посмотрим. А то появятся вопросы, и не задать, Вы то заняты.

– Ну хорошо, – с некоторым удивлением протянула Анна Сергеевна. – Починить есть что. Кран закапал. У нас общий бак на чердаке на пятьсот литров, на нас и Сергея Абрамовича вода заведена, качаем с колодца. Нужно на чердак залезть, отключить общим вентиляем в начале. В душе леечка забила, обычно сама чищу. Дверь в туалете на петле болтается, гвозди послабли. Выключатель здесь, на кухне, то включается, то нет...

Работы вроде много сказано, но работа нетяжелая, незатратная по времени. С выключателем только пришлось повозиться, но и с ним в итоге справился. Попутно сифон канализационный прочистил. Интересно, куда у них вода стекает с умывальника, ни колодца, ни септика не увидел. Только присел, смотрит, штапик на окне отошел, взял гвоздики маленькие, по всем штапикам прошелся. Окна бы покрасить. Посмотрел на часы, уже шесть, на сегодня хватить. Помыл руки, прошёл в Верину комнату. Присел за стол.

На столе пенал карандашница с простыми карандашами и ручками. Книга Бредбери. "Четыреста пятьдесят один градус по Фаренгейту". Общая тетрадь. Две картонные папки "Дело". Небольшой альбом для рисования. Фёдор взял, открыл первую страницу. Страницы оказались расшитыми и скрепленными обыкновенной канцелярской скрепкой через кусочек бумаги. Он снял аккуратно скрепку, подбил страницы.

Открыл и увидел себя, изумлённого, даже опешившего, смотрящего вдаль на что-то невидимое. Рисунок выполнен простым карандашом в портретной, до пояса, форме. Перевернул страницу, опять он. Бьёт орехи, изогнулся змейй из последнего, стараясь достать подальше. Следующая страница, опять он. На этот раз удар ниже пояса. Он повзрослевший, в военной форме с погонами лейтенанта. Как она могла? Как смогла она увидеть его спустя десять лет. Даже больше. Умудрилась возмужать, одеть в военную форму, показать некую гордость во взгляде. Ещё бы, офицер, лейтенант.

Фёдор аккуратно перевернул очередную страницу, здесь он уже капитан. Усталое, с морщинами лицо. Лицо повидавшего своё тридцатилетнего вояки. Полевая форма, афганка с полями, даже медаль "За отвагу" умудрилась повесить. Где узнала про афганку? Их ведь ещё нет. Или есть? Много читала?

Следующая страница. Подполковник. Утомлённые глаза, печальный взгляд. На Буданова немного похож. Упокой Господи его душу. На лице усталость и горечь потерь и утрат. Фёдор смотрел на себя сорокапятилетнего и не верил глазам. Как у неё получилось? Вся его жизнь для неё открыта и доступна к пониманию? Что это? Талант, или ощущение единого с ним целого? Непостижимо.

Перевернул следующую страницу. Мама. Не молодая как сейчас, но спустя несколько лет. Плышет своей скользкой походкой, на ней короткое, выше колен платье, ведет за руки двух девочек, близняшек. Удивительно похожих на него, Фёдора. На него и кого-то еще. Фёдор резко отодвигает альбом. Да они же на Николая похожи.

Минуту приходил в себя, и уже чуть с опаской, как выглядываешь из укрытия в простреливаемую зону, перевернул следующую страницу. Он с Верой. Она в венчальном платье, на голове фата. Лицо грустное и весёлое одновременно. И опять вопрос, как можно показать в одном лице грусть и радость. Но ведь получилось. Фёдор долго рассматривает рисунок. И переворачивает на следующую страницу.

На ней лицо Веры. Она улыбается. Внизу надпись.

Надеюсь тебе понравилось.

Фёдор слышит на звуковой периферии звонок межгорода. Ум ещё не перестроился. Находится под впечатлением от рисунков, разглядывает их по второму кругу, находит новые значимые детали, восхищается тонкостью схваченного. Наконец, слыша через приоткрытые двери голос второй мамы, осознаёт. Она говорит с Верой. Рисунки уходят на второй план. Фёдора охватывает нетерпение, он забывает про всё на свете, и отчаянно борется с собой. Чтобы не встать, не побежать, не вырвать трубку у Анны Сергеевны. Фёдор прислушивается.

– У нас всё хорошо Верочка, не волнуйся. И у Феди тоже. Погода прекрасная, днём солнышко, двадцать – двадцать пять. К утру холодает до десяти. А у вас?

.....

– Да, сегодня Фёдор выкопал. Мы уже в погреб спустили.

.....

– У нас, в твоей комнате. За столом сидит.

.....

– Федя, Феденька, иди скорее, тебя Верочка зовет.

Никогда в жизни Фёдор не спешил быстрее. И не бежал медленнее. Эти восемь метров превратились в бег с пудовыми гириями на ногах. Он бежал как в сиропе, нагруженный мешком с песком, с ногами ватными и неподъёмными. И он бежал быстрее самого быстрого спринтера на земле. Быстрее воина, уходящего от смертельной погони. Быстрее лани, убегаящей от тигра. Он видел себя со стороны и не мог понять, как можно быть одновременно стрелой, пущенной из лука, и черепахой, разомлевшей под жарким солнцем и уныло бредущей к морю. Но вот он у телефона.

– Здравствуйте Вера Петровна.

Сердце. Оно несет главную нагрузку. Оно заслужило. Оно щурится от восторга и радости, затопившей его. Оно нежится в предвкушении безудержной неги общения с любимым человеком. Сердце не в покое, нет, оно в невероятной неге и благодати.

– Здравствуй Федя.

– Сегодня уже пять дней, Вы как?

– Я также, как и Вы скучаю.

– Как учёба? Где Вас поселили? Жилье удобное?

– Учёба идёт хорошо, живём на Васильевском острове, по четыре человека в комнате. Удобства в коридоре. Зато горячая вода, сколько хочешь. Под душем по десять минут стою. А вообще всё по распорядку. В десять мы должны лечь спать, а в шесть подъём на зарядку. С восьми до восемнадцати учёба. Потом свободное время. В общем нормально.

– Кормят?

– Очень хорошо, завтрак, обед, ужин. Фёдор, – в трубке пикнуло, – Осталось тридцать секунд, я очень вас всех люблю, очень скучаю. Письмо отправила сегодня, в обед, по субботам можно звонить три минуты куда хочешь. В следующую субботу опять в семь вечера позвоню.

– Вера Петровна, мы Вас тоже очень любим. И очень скучаем. Возвращайтесь. Я.....

Гудки. В трубке пошли гудки. Фёдор сел на табурет, оказывается он всё время стоял. Рядом сидела Анна Сергеевна. Печаль. Кручина легла на плечи, придавила своею тяжестью, не давая вздохнуть.

– Не печалься Федечка, у неё все хорошо. Я знаю её голос, я умею чувствовать её. Она очень рада тебе. И первый её вопрос был о тебе.

– Спасибо Анна Сергеевна.

– Пойдём к Сергею Абрамовичу плов есть. Семь часов, можно поужинать.

– Спасибо Анна Сергеевна, я, наверное, лучше домой, маму с Ванечкой весь день не видел, соскучился. Акафист с ней читаем, во сколько договоримся читать?

– Давайте в девять вечера? Не слишком поздно?

– Думаю нормально, давайте в девять вечера.

Анна Сергеевна направилась на плов к Сергею Абрамовичу, а Фёдор со смешанными чувствами побежал трусцой домой. По пути вспомнил про двойняшек на рисунке Веры. Вспомнил, как Вера сказала, что всех их любит, задумался, почему не сказала именно про него, и вдруг осенило. Да она просто не могла говорить, что хотела. Или знает, что телефоны прослушиваются, или в зале было много людей. Это сразу всё объясняло. Да и сам он к ней на Вы обращался. На всякий случай. Ладно, ждём второе письмо...

Глава 3. 1973. Двадцать четвертое сентября. Переводная комиссия

Не много ли их на меня одного, это было первой мыслью Фёдора. Восемь человек. Двое из наших, директор и Игорёк, который Игорь Валерьевич. И ещё шестеро. В середине пожилой лысоватый мужик, в чёрном костюме с орденой планкой на пиджаке. Воевал значить. Уважаем. Остальные женщины, четыре пожилых, совершенно разных по комплекции и внешнему виду, и ещё одна молодая. И страшная, как не знаю что. При этом стройная, как колокольчик, да и грудь не первый номер. Вот так вот, не все подарки в одну корзинку. Сидит с самого края, перед ней стопка чистых листов. Секретарь, наверное.

– Проходите, Руснаков, садитесь, – говорит молодая и некрасивая.

Фёдор прошёл, сел посередине. Как на допросе. Осматривает всех, прикидывает союзников, и кто будет категорически против. Всегда такой найдется, хоть один, но найдется. Комиссия его изучает, приглядывается.

– Фёдор Александрович, сегодня и завтра с Вами будет работать выездная комиссия по оценке уровня готовности и возможности перевода Вас в четвёртый класс. Позвольте представить членов комиссии.

Некрасавица заглянула в блокнот, она что их по именам не знает? Интересно девки пляшут. Или комиссия сборная солянка? Тогда в принципе понятно.

– Председатель комиссии Егор Филимонович Кугавин – заместитель министра образования Молдавской ССР. Заместитель председателя, Марина Ивановна Кодру – начальник отдела Министерства образования Молдавской ССР. Члены комиссии: – Рада Сергеевна Раздумаш, начальник отдела РайОНО, Элена Витальевна Таткина – методист инструктор отдела РайОНО, Зоя Владимировна Стацюк – учитель начальных классов первой школы г.Дубоссары. Также присутствуют представители вашей школы: директор школы Иван Александрович Кричкарь, и заведующий учебной частью Игорь Валерьевич Чобану. Веду протокол заседания комиссии я, секретарь заместителя министра Виктория Егоровна Кугавина.

Ага, дочка значить. Ничего страшного, будем посмотреть. Фёдор оценивающе окинул взглядом Марину Ивановну, похоже она будет главной скрипкой. Сидит как на иголках, еле сдерживается, так и рвётся в бой. И точно, только Вика закончила, как это коротко стриженое безполое телесо затараторила. Да так быстро, что Фёдор поначалу чуть не пропустил самое интересное.

– Мы должны работать у вас два дня, сегодня и завтра. Сегодня математика, чтение, физкультура и труд. Завтра русский язык, чистописание, пение и рисование. Но думаю смысла растягивать на два дня нет, мы наслышаны о Ваших успехах, и если они соответствуют действительности, то все предметы можно проверить одним днем. Для документооборота оформим двумя днями. Это конечно не для протокола Виктория. Есть возражения? Фёдор Александрович, Вы согласны?

Очень разумная тётя, Федору такой подход нравится. И ничего, что министр крякнул, Иван Александрович округлил глаза, а Игорь Валерьевич криво усмехнулся. Главное, возражений нет. Тёти хлопают зенками, а Виктория счастливо улыбается. Ясен пень, два дня под-

ряд сюда из Кишинёва мотаться, время прохождение не из лучшего. Не ближний свет. Кстати, когда улыбается, не очень и страшная, а даже ничего так личико. До Веры ей конечно далеко, но в принципе нормальная девчонка.

– Абсолютно за.

Вот и прекрасно. Начнём с математики. Согласно рекомендательных документов, вначале устный опрос, десять минут. Далее три письменных задания, на каждое десять минут. Начнём с устного опроса. Вы таблицу умножения знаете? Прошу Вас рассказать её в полном объеме.

Оттарабанил как часы. Потом блиц опрос. Вопрос – ответ. На письменное ушло пятнадцать минут, чисто на писанину. Посидел, подумал, проверил. Через двадцать пять минут с начала занятия протянул лист с заданиями.

– Вы свободны, через полчаса прошу Вас на сдачу русского языка.

– А давайте прямо сейчас, я совсем не устал, Вы как видите тоже. Водички попьём на ходу и в работу, – как можно более нейтрально заявляет Фёдор.

Дяденька в костюме не обращает внимания на его просьбу, смотрит решения заданий. А вот тетеньке в синем, ведущей в пятерке, это предложение явно нравится.

– Давайте. Мне импонирует Ваш настрой на работу. Приступим к русскому. У кого-то есть другое мнение?

Других мнений нет. Фёдору дают текст и несколько минут на его чтение. Текст лёгкий, про зайчика и бельчонка. Фёдора разбирает смех. Потом изложение. Дословно им написать, что ли? Ну вот вам изложение, получите. Что он там накалякал забирают, читает тетенька из РайОНО, передает учительнице, та в свою очередь заместителю министра. Фёдор этого уже не видит, он пишет диктант. Семь предложений. Написал. Отдал на проверку. Дают другой текст. Дают перо с чернильницей. Дают промокашку. Переписать. Это ещё и чистописание получается. Три предложения. Выделить и дать определение: подлежащее, сказуемое. Дальше: выписать существительные, прилагательные. Тяжело в пятьдесят семь лет выполнять программу начальной школы. Тяжело, а надо. Вроде всё, отцепились. Читают. Проверяют. Интересно, им почерк понравится? Похоже все в лёгком шоке.

Фёдор отступать не собирается, прёт дальше, – Может сразу и чтение оформим, а потом на обед пойдём? У нас же обед ещё не готов, правда Игорь Валерьевич?

– Обед в двенадцать, сейчас без двух одиннадцать, – точен до минуты Игорь Валерьевич.

– Очень интересное предложение, – кажется ударница стала уставать, и находится в глубоком раздумье. Остальные члены комиссии знакомятся с его опусами.

– Значить договорились.

– Сколько слов в минуту Вы читаете? – интересуется молчащая доселе пожилая женщина, учительница начальных классов.

– Зоя Владимировна, всё зависит от текста. Если текст изобилует прямой речью, и для его чтения требуется интонационное сопровождение, то от восьмидесяти до ста, если текст изложен в повествовательной структуре, то более ста восьмидесяти.

Зое Владимировне его ответ нравится, от имиджа серой пожилой мышки не осталось и следа. Преображение изумительное, перед ним старая добрая воздушная фея. В самом лучшем смысле. Она приветливо улыбается, и протягивает ему книгу.

– Николай Носов. Мишкина каша. Прочитайте пожалуйста.

Федор читает не торопясь, слов он наберёт достаточно, ему главное показать не скорость чтения, а выразительную технику. Похоже он преуспевает, все присутствующие в кабинете внимательно слушают, только Вика что-то записывает. Наконец Фёдор заканчивает.

– Прекрасно, просто изумительно, – первая в оценке конечно Марина Ивановна. – А Вы стихи читаете? Прочитайте нам что-нибудь.

– Что именно, Марина Ивановна?

– А прочитайте нам Есенина, помните: Вот моя деревня, вот мой дом родной, – в разговор вмешивается зам. министра и кажется весьма не по делу.

Насколько помнит Фёдор, это совсем не Есенин, это Иван Суриков, прекрасный и незаслуженно забытый русский поэт. Но если зам. министра просит, нужно читать. И Фёдор читает. С вдохновением и разводя руками, со сменой интонации, доходя чуть ли не до шёпота, и уносясь вверх, чуть не до крика. Красиво вышло, самому понравилось.

Понравилось и комиссии, Фёдор это видит. И главному понравилось, но эта неуёмная хочет чего-то еще.

– Прочитайте нам ещё что-нибудь, у Вас это очень хорошо получается.

Тут Федор разозлился. По-доброму, по-хулигански попустительски. Держите комиссия. Сейчас прочитаю. Федор встал, копируя поэтов двадцатых. Картинно выдвинул вперед ногу, и плавно поводя рукой начал.

– Алексей Николаевич Толстой. Прожорливый башмак.

Сразу хихикнула Вика. Интересно, она сказку знает, или над ним смеется. Но вот ещё двое улыбаются. Ладно, сейчас посмотрим. И Фёдор читает. Вкладывается. Внезапно понимает, сказ настолько его увлек, что по спине побежали мурашки. Это как так? Разве так бывает? Но Фёдор продолжает, не снижая пафоса, гнёт свою линию до конца. Он видит, как увлеклись пожилые дамы, как внимательно, приоткрыв полные губы и отложив бумаги внимает Вика. Зам. министра улыбается, ему, наверное, нравится больше всех. Довольны два прямых начальника, и завуч, и директор, тоже улыбаются. Вот и славненько. Вы все теперь на моей стороне, чего и требовалось с самого начала. Спасибо Вам всем, и переводите меня в четвёртый класс...

– Рожа насильно влезла в картинку, и больше из-под комода ни ногой, только по ночам, когда мимо комода медведюшка пробегает, или едут на паровозе куклы, – ворочает глазами, пугает.

Фёдор заканчивает интонацией, которой заканчивает мама. Он слушал эту сказку всё первое детство, а теперь, через день, не меньше, рассказывает её своему братишке. Всё выверено до мелочей. Где нужно – остановится, где говорит помедленнее, а где быстро-быстро. И комиссия опять в шоке, каком уже сегодня по счету.

Первой в себя приходит начальница отдела.

– Это просто замечательно, это выше всяких похвал. Фёдор, Вы очень одарённый ребенок, и мы сделаем всё для того, чтобы Ваш талант раскрылся и служил на благо нашей великой советской Родины. Не правда товарищи?

Товарищи подтверждают, что правда, пусть служит...

В столовой накрыты три стола, на девять человек, по три персоны за каждым. Фёдора, к его удивлению тоже посадили за стол со всеми, а именно с самим зам. министра и начальницей отдела. Директор с Игорьком сели с Викой, а три женщины, как три богатыря, расселись за столиком у окошка.

Обед был явно неминистерский из двухтысячных годов. Скромно, сытно, со вкусом. Салат из капусты, куриный вермишелевый супчик, гречка с курочкой, почему-то всем достались ножи. Может на местной птицефабрике достигли успехов в выведении курицы сороконожки. На запивку подали чай, в графине на столе яблочный компот. В вазах песочное печенье, плюшки, пирожки с капустой. Вначале Фёдору было неудобно, но обвыкнувшись он своё не упустил. Всё время удивляется, куда в него лезет. И мама удивляется, и Анна Сергеевна, и Верочка. Ах Верочка, Верочка, где же ты, что с тобою? Жаль, ты не рядом, жаль не становишься свидетелем его блистательного триумфа. Ах как бы ты обрадовалась...

– Скажите, Фёдор, правильно ли я понимаю, что уникальные способности проснулись в Вас сразу, без подготовки, ведь раньше Вы были обычным ребёнком, на правда ли? – уже поев, аппетитно похрустывает печеньем, запивая его компотом, Егор Филимонович.

В голове у Фёдора замигала лампочка тревоги. Вопрос совсем не безобидный, от того как он ответит, зависит нить дальнейшего разговора. Нам лишние хлопоты и расспросы ни к чему. Уводим беседу в сторону путем введения стрессовой ситуации.

– Отчего же без подготовки? Читать я научился так давно, что и не помню, когда, – Фёдор не врёт. – Так же и счёт, простейшие задачи. Дальше научился писать. Только потому, что хотел записывать свои мысли, стихи, короткие рассказы и сказки. С рисованием только никак не совладаю, что ни нарисую, брат всё одно динозавра опознаёт. А так ничего, двигаемся потихоньку. Я ведь в школу пошёл переростком, в восемь с половиной, теперь своё забираю.

Егор Филимонович при упоминании динозавров рассмеялся, улыбнулась и Марина Ивановна.

– Так Вы и стихи пишете? Как замечательно, почитайте нам что-нибудь. – Марина Ивановна поставила недопитый компот на стол. – Почитаете?

Чем дальше, тем всё интереснее и интереснее, так что ли? Фёдор смотрит на женщину в упор. Марина Ивановна становится его поклонницей?

– Про облака? Или про слоников? – говорит он в шутку ли, всерьез?

– Зачем про слоников, – слегка обижается Марина. – Прочитайте нам про любовь. Есть у вас что-нибудь про любовь?

– Да, уважаемый Фёдор Александрович, прочитайте нам про любовь, – поддерживает её Егор Филимонович.

Фёдор смотрит на его правую руку, на руку Марины Ивановны, на которых нет обручальных колец, и до него медленно доходит. Ну что ж, про любовь, так про Любовь. Он набирает в грудь воздуха, и, чуть шёпотом, медленно, с придыханием, читает.

Разбуди меня ты утром рано,
Но не для любви, а просто так.
Я схожу к реке, схожу к туману,
Посмотрю, как будет таять мрак.

Посмотрю на первый луч зари,
Посмотрю, как начат был день новый,
И обратно ты меня не жди.
Хочешь рядом быть, – пойдём со мною.

За столом воцарилась тишина, слышен был гул разговоров за соседними столиками. Смеялась Вика – Игорь Валерьевич оживленно рассказывал потешку, размахивая руками. В голос, по ребячьи, не уступая Вике, смеялся Иван Александрович. У окна о чём-то негромко и неторопливо переговаривались женщины РайОНО.

– Фёдор Александрович, это вы написали? – спрашивает с подозрением Егор Филимонович. – Похоже на Есенина.

– К сожалению я. Написал сразу, не справился с рифмовкой, помучался минут пять, а потом муза ушла, другие дела, и решил оставить так, как есть. Не понравилось?

– Нет, что Вы. Очень даже понравилось. Так вы его недолго писали? – Марина Ивановна волнуется, Фёдор понимает, она покорена раз и навсегда.

– Недолго. Сел, и оно выплыло, как из глубин моей памяти.

– Потрясающе. Это так по взрослому, не по-детски. Но ведь оно написано для кого-то?

– Оно написано для моей будущей возлюбленной. Для той единственной, которая решит связать свою жизнь с таким неудобным человеком как я...

Ах Фёдор, Фёдор, ты беспощаден. Нельзя так с пожилыми людьми. Ни с какими. Тем более с людьми из министерства. Они живут по вешкам, расставленным по сторонам, по инструкциям, циркулярам, методичкам. Им такие вещи от восьмилетнего ребенка слышать строго воспрещается. Или с головой у тебя не в порядке, или сердца нет.

Егор Филимонович достает из внутреннего кармана пузырёк, пытается открыть.

– Егор Филимонович, давайте помогу, – вскидывается Марина Ивановна, и капает из пузырька прямо в компот.

Заместитель министра выпивает, выглядит он между тем очень хорошо.

– Но кроме любви к женщине, высокому и прекрасному чувству, Вы допускает в себе и другие цели в жизни? – Егору Филимоновичу интересно внутренне мироустройство Фёдоровой души.

– Конечно, с этого всё начинается. Любовь к Родине, любовь к семье, готовность отдать за них жизнь, – это главное предназначение любого мужчины.

Егор Филимонович достает бархатку, и долго протирает очки. Стихли разговоры за соседними столиками, никто не улыбается, все смотрят на них. Молчит Марина Ивановна, замерев с недопитым стаканом компота в руке. Но пол пути остановилась девушка из столовой, направляющаяся убрать грязную посуду. Фёдор ловит пытливый взгляд Игоря Валерьевича.

Наконец заместитель министра протёр свои очки, убрал бархатку в боковой карман, поднялся со стула.

– Фёдор, я думаю остальные предметы можете не сдавать. Мы будем рекомендовать перевести Вас в четвёртый класс, и составим специальную программу Вашего обучения на весь период до десятого класса включительно...

Остальные предметы он всё-таки сдал. Может фиктивно, может нет. Но честно пробежал тридцать и триста метров, подтянулся двадцать раз, больше сказали не нужно. Пришил пуговицу и наложил заплатку на дырку, склеил композицию – гербарий из безсмертников. Нарисовал море и лес. Спел Солнечный круг и Взвейтесь кострами. Всё в тот же день.

Министерские и РайОНОвские уехали, как обухом по голове побитые. Столичный снобизм и кабинетный лоск чиновников слетели от познаний и умений, показанных простым русским парнем из захолустных Дубоссар. Вернее, непрым парнем. Только вот они этого не знали...

Глава 4. 1973. Двадцать девятое сентября. Второе письмо. Второй звонок

Следующая неделя была наполнена ожиданием. Оно вытеснило ощущение постоянного присутствия Веры, и заполнило подсознание тоской и ожиданием по ней. С раннего утра, по темноте, оно вползало невидимой змеёй в сердце, вило там гнездо и давило изнутри до вечера. Фёдор стал ложиться спать ещё раньше, чтобы уменьшить время этой медленной пытки. Каждая мысль, каждое слово, каждое действие было наполнено ожиданием. Ожиданием, когда она вернётся. Ожиданием, когда она позвонит. Ожиданием, когда от неё придет письмо.

Боль эту было не выгнать из себя, но преуменьшить её он пытался. Фёдор ушел в работу и тренировки. Просыпался рано утром. Сам, без будильника. Вначале молитва. Потом по хозяйству. Убирал навоз, доил корову, выгонял её в стадо, благо и сентябрь, и на октябрь стадо, по договорённости с председателем, ходило. Аренья поначалу проверяла, но увидев воочию, как он старается, выдаивая корову, успокоилась и полностью доверилась мальчишке. Утренняя дойка стала его обязанностью. Ответственный парень. А Фёдор старался.

Потом зарядка. Бегом до нового моста, купаемся, растираемся полотенцем, собираем бутылки, которых в последнее время почти не стало, и бегом домой. Уже темпом помедленнее, чтобы не вспотеть. Дома ещё пол часа: турник, бой с тенью, груша, растяжка. Опять турник, бой с тенью. И вот уже пол седьмого, пора будить маму.

Вчера в сельпо купил маме тёплую пижаму, югославскую, дороговато конечно, потому и не брал никто, да и не в то место её привезли. Штанишки и курточку. Мать сильно обрадовалась, интересно поняла ли намек, но каждый вечер стала переодеваться. Говорить на эту тему не хотелось, к чему беречь больную тему, только забылось. А ночами стало сильно прохладнее, окно открытым не оставишь, разве что утром слегка приоткрыть, пока Ванечка спит.

Двадцать пятого и двадцать шестого числа ему дали выходные. За двадцать пятое он отстрелялся в понедельник, двадцать четвертого, изрешетив переводную комиссию своими знаниями. А двадцать шестого был день проверки выполненных заданий. Двадцать седьмого ждали результатов. Быстро всё-таки работала советская система. Хоть и без компьютеров, но дела решались чуть не мгновенно.

Эти два дня Фёдор решил заняться бутылками. Разделил их по сортам и видам, нагрел воды в сараюшке, начал таскать партиями по пятнадцать – двадцать штук. Нелегкое дело, пока все этикетки промочишь, пока их отдерешь, были и такие, что внутри грязные. Тогда ёршиком их. Потом Аренья стала помогать, вдвоём дело быстрее пошло. Пока мыли – разговаривали.

Интересным человеком оказалась эта бабка, с одной стороны православным, с ортодоксальными взглядами. С другой, копеечку заработать тоже не упускала. Фёдор поначалу понять не мог, что за личностей он пару раз с банками видел. Ларчик открывался незамысловато, просто он по своей занятости вначале додуматься не мог, фактов не хватало.

Корова Тиша, она же Майка. Когда Аренья была в настроении называла её Тишайшая Майка, так вот была она коровой высокоудойной, и молоком в доме запивались. По весне, на молодой зелёнке до тридцати литров давала. Жирного, сладкого, с жёлтым оттенком. К осени сбавляла, зимой вообще на пятнадцать уходила. Это если с пойлом. Молоко Аренья продавала. Подешевле чем на разлив с бочек, по пятьдесят копеек за трёхлитровую банку, столько же за литровую банки сметаны. Остатки перерабатывала в творог, сыр, брынзу. Снимала сливки и возгоняла масло, иногда снимала сметану с проквашившегося, если был заказ. Обезпечивала молочкой своих, вместе с Сергеем Абрамовичем, а большую часть продавала. Многодетным вообще в пол цены от и того невысокой. На улице жило две таких семьи, восьми и девятидетных, непьющих, но из нужды никак не вылезавших. Вот от них гонцов к Арене Фёдор и встречал. Государство им тоже понемногу помогало, ботинки дадут к первому сентября, костюмчик купят, пальто. Обедов бесплатных ещё не было, в старой школе даже столовая отсутствовала, только буфет. Немного, но с другой стороны, хоть столько...

Сдавать бутылки было легко, приёмный пункт находился через шоссе от магазинов, в частном доме, на углу квартала. Фёдор грузил полный рюкзак, перекидывал через рулевое две платяных торбы, сшитых мамой, и вёз на сдачу. За раз выходило до сорока штук. Поначалу приёмщики, муж с женой, были неприветливы, принимали со скрипом, потом разговорились, нормальными людьми оказались, анекдоты травили и сами любили слушать. Ну Фёдор и оторвался. Уж чего, чего, а анекдотов, жизненных причём, и не пошлых, он знал много, до Рождества мог рассказывать. В общем контакт с приёмщиками был налажен, и встречали его как дорогого гостя...

Результат превысил ожидания, за неделю Федор сдал почти на семьдесят рублей. Дядька Мирча пожелал дальнейших успехов на ниве разработки бутылочных месторождений, и сказал, что был рад знакомству. Фёдор его жене шоколадку подарил, чем окончательно расположил к себе семейную пару...

Вечером мать принесла денежку за пошитый костюмчик с платьем, вытащила из Крестьянки отложенную зарплату за август. Фёдор достал свои кровно заработанные, начал пересчёт.

– Шестьсот сорок два рубля. И ещё мелочи около двух рублей. – отчитался ей Фёдор.

– Мы с тобой богачи. Меня кстати просят шубку перешить с большего размера на меньший. Немного, но двадцать рублей тоже деньги.

– А у меня пока ничего, – призадумался Фёдор, – орехи я все выбил, по бутылкам тоже ничего, две, три, и то не каждый день. Туристы все съехали, октябрь на носу.

– Не расстраивайся, главное с долгом рассчитались, камень с души упал. А то ведь места себе не находила.

– Слушай, мам, а ты знаешь, что Вера с Анной Сергеевной не в своем доме живут?

– Неет, – протянула удивлённо мама, – А в чьем?

– Их Сергей Абрамович пустил временно пожить во вторую половину, Иосифу, его внуку принадлежащую.

– Вот как, не знала.

– Дело тем осложняется, что Ёся уезжает в Израиль, или уже уехал, и поставил ультиматум, срочно выплатить оставшиеся деньги за пол дома, или продать. Деньги ему сразу после Нового Года нужны, так что времени нет, нужно до Нового Года отдать. Не получится, всё, до свидания, освободите помещение.

– Интересно, а как он деньги туда переведёт.

– Найдёт как, ты уж поверь. У них свои пути.

– А куда денутся Вера с Анной Сергеевной?

– А его волнует?

– И что делать?

– Они хотят выкупить половину где живут, четыре тысячи рублей кажется, чуть больше двух собрали. Осталось около тысячи восемьсот. Если за пару месяцев соберут, оформят покупку.

– А соберут? Всё-таки еще почти две тысячи. Деньги немалые.

– А нам как собрали, забыла? Всем миром. Давай теперь мы им поможем.

– Конечно давай, Феденька. О чём разговор, конечно давай поможем.

– Отлично. Вот смотри, у нас шестьсот сорок рублей, до твоей полочки две недели. Давай шестьсот отдадим Анне Сергеевне, а на оставшиеся будем жить. Нам этого хватить. Может ты что подзаработаешь, может у меня что вылезет, хотя это вряд ли.

– Хорошо. Пусть так и будет. Помочь надо. Что ж это такое? Ой, Федя, пойдём акафист читать, время к девяти подходит.

На акафист вышла и Аренья, после они пили вкуснейший травяной чай с сушеными листочками вишни, смородины, малины и мяты, и Фёдор первый раз за четыре дня спал как убитый. Проснулся свеженьким, и в школу пошел в приподнятом настроении...

В школе его ждали последние известия. Комиссия единогласно приняла решение о переводе. Выполненные задания отправили в Москву, но уже не для проверки, а для ознакомления ученого академического сообщества с его результатами.

Игорь Валерьевич, несколько оживленный от обычного напутствовал, – Фёдор, ты просто Гений, правда. Но на этом не останавливаемся. Завтра будет приказ о твоём переводе, и сразу готовься к сдаче четвёртого класса, пока программа придёт еще неделя минет, время терять нельзя, садимся сразу.

– А совхоз?

– В смысле? – не понял Игорь Валерьевич.

– Оба четвёртых класса со всей школой в совхозе, на винограде. Уже с шестого сентября, и числа до десятого октября, не меньше. Если я в четвёртом, то и мне положено на виноград.

Умный всё-таки человек Игорь Валерьевич. Сразу всё понял. Посмотрел внимательно, прикинул что-то в голове своей учёной.

– Не догонишь, они почти три недели на сборе, передовики больше тысячи ведер набрали, даже если ещё три недели будут работать, всё равно не догонишь.

– Я понимаю. – Фёдор не строил иллюзий, понимал, что не догонит, но всегда есть надежда, и она умирает последней, это он знал твердо.

Игорь Валерьевич обдумывал своё, встал, подошёл к окну, некоторое время смотрел на улицу, где почему-то не в срок прогоняли совхозное стадо. Где-то там, среди совхозных и Тишка крутится, мелькнуло у Фёдора. Игорь Валерьевич между тем что-то решил, круто повернулся.

– Хорошо Фёдор. Ты поедешь в совхоз, но два условия.

– Согласен.

– Ты ещё даже не выслушал, а уже соглашаешься, – засмеялся Игорь.

– Говорите.

– Первое. Несмотря на совхоз, ты осваиваешь программу по полной.

– Согласен.

– Второе. В совхозе ты работаешь со всей отдачей. По итогам всех отработанных дней ты должен быть первым. В каждом отработанном дне ты должен стараться быть первым.

– Согласен.

– Немногословен ты сегодня, да Фёдор?

– Согласен. Так я завтра с утра со всеми, на виноград?

– Согласен...

Вчера и сегодня Фёдор ездил со своим новым классом на виноград. Отправлялись в восемь утра от школы на открытых машинах и том же автобусе Кубань, в два заезда. Еду брали с собой, кто во что горазд, совхоз в поле оказывается не кормил. По разговорам винограда ещё много стоит, недели на две точно, так что время есть. Василий, Галя с Инной его уже знали, остальные видели в первый раз. Но никаких прописок не устраивали, может не принято, может уже наслышаны о его рукопашных подвигах.

Фёдор включился в работу сразу. За первый день восемьдесят семь вёдер. В этот день выезд с поля припозднился, автобусы опаздывали. Ребята, сидя на вёдрах занимались кто чем, мальчишки в большинстве своём играли в ножички, девочки трепались о своём девичьем. Фёдор спросил классную, можно он ещё пособирает, и, получив разрешение кивком головы, пошел дособиловать свой ряд. Всё равно завтра к нему возвращаться, что сидеть безцельно. К тому времени когда подъехали автобусы он высыпал еще семь вёдер, и вышел на рекорд...

На тренировку опоздал, за что отжимался сто раз. Во второй день сбавил, но тоже почти восемьдесят, – семьдесят семь вёдер. Васька, для сравнения, в этот день даже до семидесяти не дотянул. Остальные и того меньше. Новая классная была довольна. Что Фёдору понравилось, обедать садились всем классом, каждый выкладывал что имел на общий стол, и за дело. Только не молились. Фёдор молился про себя, крестился в сторону, слегка отвернувшись. Посмотрел, девчонки на него косятся, на следующий день тоже украдкой крестятся.

В первый же день столкнулся он и с Колей Грибом, хулиганистым парнем, второгодником и отморозком на всю голову. Ничего особенного, когда Фёдор высыпал ведро в бункер, тот слегка подтолкнул, отчего пол ведра просыпалось мимо. Ведро всё равно засчитали, а Гриб улыбаясь во все зубы процедил, – Звиняйте товарищ начальник.

Ладно, звиняйте, так звиняйте. Но это повторилось с точностью один в один, опять пол ведра на пол, и опять звиняйте. А потому, как у нас принято, получите ответку. Когда Гриб подошел высыпать ведро, Фёдор его подтолкнул под локоть с ответным извинением, – Звиняйте.

Пока обошлось, может поняли друг друга, может в будущее отложили. Посмотрим.

И вот, сегодня, после совхоза, заскочив на минуту домой за деньгами, Фёдор идет к Вере. На самом деле идет он к Анне Сергеевне, но для себя он решил, он идет к Вере. Это её дом, здесь он провел с ней лучшие часы своей жизни. Этот дом, эта комната дышат ею, здесь всё сделано как она хотела. Так стоит мебель, так развешены иконы, шторы на окнах именно такие, как хотела она. И книги, и бумаги на столе, и рисунки, в том числе с ним. Этот милый коврик с лесом и девочкой, кормящей оленёнка. И он приходит туда к ней. Будет ждать её звонка, а может быть и письмо пришло, как в прошлую субботу. Тогда письмо пришло в пятницу, а мама передала его ему в субботу. Фёдор ускорил шаг, почти побежал. Ну вот и её дом.

– Здравствуй мой хороший, – уже привычно слышит Фёдор.

Анна Сергеевна целует в лоб, и Фёдору удивительно приятно, ему рады, его ждали. Она проводит его на кухню, садит за накрытый стол. Он ждёт. Ждёт не этого, ждёт письма, и оно есть, поначалу Фёдор его не замечает.

Оно лежит на столе, прямо перед ним. Рядом ножницы. Фёдор обрезает край конверта с тем же Шаляпиным, и с участвовавшим биением сердца достает письмо. Разворачивает лист.

*20.09.1973. 18 ч. 45 мин.
г Ленинград. В.О. 10 линия. д. 222.*

Здравствуй мой любимый Фёдор Александрович.

Обращаюсь именно так, ведь ты и есть мой любимый. Надеюсь у тебя всё идет хорошо, и ты скучаешь по мне не меньше, чем я по тебе. Извини, что сразу не написала, события развивались настолько стремительно, что я просто не успевала. К великому своему стыду, сожалению и печали.

Приехали в Ленинград девятнадцатого, ранним утром, на Витебский вокзал. Вместе со мною приехало две девушки, одна с Витебска, другая из Минска. Встретили нас как важных гостей, разве что без оркестра. Но представляешь, с цветами. Ну быть того не может, а вот было. Привезли на Васильевский остров, он оказывается очень большой, наверное, больше Кишинёва. Поселили в хорошем общежитии, по четыре человека в комнате. Девчонки спокойные, настоящие психологи, не то, что я, волнуюсь по каждому поводу. В группе сорок человек, женщин двадцать восемь. Кормят очень хорошо, я даже всё не съедаю, воспитатель меня ругает за это. Но это единственное, за что меня ругают, во всём остальном я стараюсь.

Был правда один момент, с медосмотром неприятный, и ещё один, но в письме про них не буду, расскажу всё потом. Скажу только, что руководство не стало свирепствовать, и пошло мне навстречу. И ещё нескольким девушкам.

21.09.1973. 20 ч. 05 мин.

Ленинградская обл. УКК Физкультурник.

После медосмотра и организационных вопросов, нас перевезли на базу, где будут проходить занятия. По занятиям нелегко. И хотя они только начались, всего второй день, но кажется, в нас за эти три месяца хотят вложить полный университетский курс. Настолько насыщено и ёмко. А ведь это только начало. Времени для раскачки совсем не дали, занятия с восьми утра до шести вечера. Правда обед с часа до двух. Успеваем поесть за полчаса и еще пол часика полежать. С этим нестрого, в обед позволяется. Хорошо ещё то, что домашнего задания не задают, и после шести свободное время. С девятнадцати ужин и всё, делай что хочешь. Но в двадцать один сорок переключка и спать. Утром в шесть часов подъем. Зарядка, завтрак и на учёбу. Вот так и живу. Привыкаю.

Как перевезли на базу, только поселили и сразу повели в баню. Сказали, баня будет каждую неделю, по субботам, после обеда. Никогда ранее не была в русской парной бане. Это такая прелесть. А ещё в субботу разрешают один звонок по Союзу. Мало конечно, всего три минуты, но спасибо и за это. Тем более, отпустить в увольнительные будут только через месяц, и то самых лучших. Но я буду стараться, может удастся в увольнении вам с мамой позвонить, и наговориться от души.

Нам выдали какие-то подъёмные, по семьдесят пять рублей. Ещё будет стипендия, по девяносто рублей, после каждого месяца обучения, при условии, что сдашь месячные зачеты. И вместе со свидетельством об окончании курсов обещают по двести пятьдесят рублей. Так что невеста я буду богатая. А вообще, здесь, на территории лагеря, есть неплохой магазин, где очень много всякого интересного, даже такого, о существовании чего раньше не знала. Например, Пепси Кола. Но ДЮШЕС лучше, и вообще, я тратить не буду, копить буду.

Очень скучаю по тебе, по маме, по Арене, по твоей мамочке, по всем вам. По Ваньке и Ваське тоже скучаю. Можешь писать мне на этот адрес, расскажи, как у вас идут дела. Переживаю за Емельяна Вячеславовича и за Любушку. Ты к ним не ходил?

Передаю это письмо бросить в почтовый ящик в городе с оказией, следующие письма будут короче, не удивляйся. Будешь отвечать, пиши, как в первый раз. Жди сразу ещё одного, сегодня отправлю, на него и отвечай.

Слава Богу за всё. Спаси Господи.

Вера.

P.S.

Представляешь, у нас за окном, по соснам прыгают снегири, они совсем ручные, разве что на руки не садятся. Никогда в жизни не видела. Такие красавцы. А ещё белки, берут хлебушек с рук, ничего не боятся, настоящие хулиганки, спускаются с деревьев и выклянчивают гостинцы. По утрам бегаем вокруг озера, среди сосен, по песчаным дорожкам и опавшей хвое. Запах сосен, чистая вода, прохладный песок под голыми ногами. Неописуемая красота. Даже купаемся, на зарядку отводится час, и мы с девочками всё успеваем.

Вера.

Фёдор привычно смотрит на штемпель отправляющего отделения связи. Москва. Двадцать третьего сентября. Шесть дней назад. Ничего не понятно. Она в Питере, или в Москве? Фёдор читает еще раз, более внимательно. Что-то становится ясно. Встретили на вокзале, это чтобы не ездили по городу сами. Цветы, чтобы было неудобно отлучиться даже на минуту. Не написала сразу, не знала, как передать письмо, пока не нашла способ. Его ещё проверить надо было.

Что за неприятные моменты могут быть? Фёдор задумался. Зная Веру, её мистическую предрасположенность к святому православию, можно предположить, что один из них, это требование снять нательный крестик. Вера скорее умрет, чем крест снимет. Да, скорее всего это раз. Что может быть вторым? Фёдор никак не мог найти связующую на второй пункт. Вдруг вспомнил, как она покраснела, когда он подглянул ей за ворот рубахи. Ага, горячо, скорее всего при медосмотре присутствовал мужчина, может смотритель по женской части. И она отказалась этому дяде показываться. Неудивительно, такая недотрога, она и перед женщиной не станет ноги раздвигать. Девочка моя. И похоже не она одна там такая. Значить, решили не ломать девчонок, честь и хвала руководству.

Что дальше. Переключка, зарядка, режим дня, увольнительные, лагерь. Всё как в армии. Значить специальный режим обучения. Может за колючей проволокой. Озеро, песчаные дорожки, сосны, белки, снегири. Значить ни на каком они не на Васильевском острове, где-то в лагерях обучения под Питером. Кстати, иначе и машину зачем было посылать.купаются по утрам. Может взяла, или купила купальник, не голышом же, а самое главное – руководство вполне разумное, и совсем не закусывающее, если разрешают во время зарядки купаться. Письмо передала с оказией, наверное, с кем-то из отъезжающих. А тот положил письмо аж в Москве, когда вздохнул, или вздохнула, что скорее всего, спокойнее. Ох как рисковала. Не стоило. Господь покрыл горячность поступка.

Нужно ещё одно письмо ждать, не сегодня – завтра придёт, а это спрятать подальше, и никому. Только вот как никому, если Анна Сергеевна смотрит таким просящим вопросительным взглядом. Фёдор соображает, что мама в этот раз без письма, ну что же ты Верочка, могла бы для мамы листочек в этот же конверт вложить.

– Вера передает, что у нее всё хорошо, живет в прекрасном месте, в очень хорошем коллективе. Прекрасное питание, правильно подобранный режим дня, хорошие денежные вознаграждения.

Здесь Фёдор сбивается. Он смотрит на Анну Сергеевну, видит её напряженное, страдальческое лицо и понимает, что всё это не то. Она осталась без письма. Ей больно, очень больно, мучительно больно. Вера ошиблась. Не специально, впопыхах. Быстро, на коленке готовя письмо, у неё выскочило из головы, что еще её ждет мама. Да, она сегодня позвонит, но письмо это другое. Никакой звонок по телефону его не заменит. Письмо. Разговор закончится и уйдёт во время, где затеряется и забудется, заслонится другими событиями. Но ничто и никогда не заменит письма. Лист бумаги с твоими новостями, мыслями, рассуждениями, пожеланиями. С твоим почерком. Письмо будет жить столько, сколько живёт адресат. И может его будут хранить дети, внуки и правнуки, перечитывая жёлтые листики прародительских чувств и признаний. Не зря, когда люди расстаются навсегда, они в первую очередь жгут письма...

И вот, такая ошибка, и он должен исправить её, Верину ошибку. Прости Верочка, если я не прав, прости меня. Фёдор молча протягивает письмо Анне Сергеевне. Она берёт его осторожно, как святыню, и читает здесь же, никуда не уходя. Фёдор отходит к иконе, смотрит на лик Пресвятой Девы, просит у неё прощения.

За Веру, за себя, за всех нас. Лицемерных, непослушных, забывчивых, неблагодарных, злопамятных. За нас, детей, забывающих своих родителей. Забывающих, когда нам хорошо, и когда нам плохо, забывающих в богатстве и бедности, в унынии и радости. Забывающих в праздниках и в повседневности, а потом горько рыдающих на могильных холмиках, в попытках исправить свою вину коваными оградками и пышными надгробиями. Исправить, когда им уже ничего не нужно от этого мира, когда уже ничего не вернуть, и остаётся только молиться за их души, такие же грешные, как и наши.

– Спасибо Фёдор, – у мамы по щекам покатались слёзки, она обтерла их рукой, протянула письмо Фёдору, – Спасибо.

– Анна Сергеевна, ну не плачьте пожалуйста, – сердце Фёдора разрывалось от жалости. – Вы же видите, у нее всё хорошо устроилось, отучится и вернётся. Даже должность для неё в школе держится, лежит себе дожидается. А летом в университет поступит. Ну успокойтесь, не плачьте.

– Да, совсем я стала сентиментальной, раньше слезинки от меня не видели. Сколько всего претерпела, и не плакала. А сейчас плачу постоянно, только повод дай.

Анна Сергеевна встала, поставила чайник. – Мне сегодня в ночь, в семь десять уходить, не позже. Всё думаю, вдруг не дождусь, вдруг звонок запоздает. Ты за меня её поцелуй. Скажи, что мама любит и ждёт.

– Хорошо, но может ещё дождётесь. Анна Сергеевна, у меня к Вам разговор серьёзный.

– Сейчас?

– Вы сейчас не можете? Давайте завтра.

– Нет, почему же, давай сейчас. Просто неожиданно как-то.

– Давайте сейчас. Я по-вашему с Верой домику. Помните говорили совсем недавно?

– Да, в прошлую субботу, помню.

– Вот, – Федор положил на стол толстую пачку денег, перевязанную бельевой веревкой. – Шестьсот рублей. Мы с мамой решили немного помочь. Теперь ваша очередь не отказываться, и принять.

– Спаси Господи, – мама была искренне удивлена, – Представляешь, вчера Аренья пришла, шестьсот рублей принесла. Брать не хочу, а она ругается, – на похороны копила, а смерть не приходит. Я ещё накоплю говорит. Тиша доится, пенсию платят, а если умру неожиданно, закопаете, как получится. Только молиться не забывайте.

Она снова заплакала, ну что ты будешь делать с этими женскими слёзами. Фёдор подошел к ней, и опять начались дружеские объятия. В его руках она потихоньку затихла, всхлипывая, как маленький ребенок после большой обиды. Интересное со стороны зрелище получается, девятилетний мальчик обнимает взрослую женщину. Фёдор вздохнул, везет мне в этой жизни на обнимания, и целования. За месяц столько наобнимался, сколько за всю прошлую жизнь не было.

– Федя. Тебя нам Сам Господь послал. Ещё недавно, месяц назад мы жили без тебя, и всё было совсем по-другому. Прости меня, я так плохо о тебе думала.

Она крепко сжала его руки, и Фёдор подумал, как ей не хватает мужского участия. Каждой женщине положен от Бога свой мужчина, но, если он погибает, если женщина его теряет, если уходит, или женщина отторгает сама, ничто не может его заменить. Потребность в сильном плече остается, и куда её девать? Начинаются прыжки по мужикам, которые в итоге становятся все козлы. Здесь другое. Моя мама однолюбка вспомнил он Верочкины слова. Но мужское плечо нужно даже для этой сильной женщины. Он должен стать сильным плечом для неё, матери его любимой.

– А у Вас покушать ничего не найдется? – маленьким клинышком Фёдор попробовал выбить груз печали и страдания.

– У меня есть борща немного, и вареники с картошкой в морозилке, сейчас кипятилок нагреем, и бросим, они быстро, три минуты и готово.

Ужинали он вместе, мама успокоилась, и Фёдор подумал, не спросить ли о Емельяне Вячеславовиче. Наконец решился.

– Анна Сергеевна, а Емельян Вячеславович ещё в больнице, или выписали?

– Нет Феденька, лежит, книжки читает. Молиться начал, я ему молитвослов принесла, ещё дореволюционный, теперь церковнославянский осваивает.

– Интересно. Долго в больнице пробудет?

– Месяц наверное пролежит, а там как здоровье, на реабилитацию может до года уйти.

– Жалко мужика, можно его навестить?

– Жалко. Навещай конечно, каждый вечер с пяти до восьми, в субботу и воскресенье с десяти утра до восьми вечера, – вздохнула мама.

Анна Сергеевна ещё посидела с минутку, поднялась, – Пол седьмого, пойду собираться.

– А Вы почему сегодня в ночь? Вроде не Ваша смена?

– У Фаины ребёнку опять плохо. Летом качелями ударило, носилась по детской площадке, вот и не досмотрели. Иногда приступы случаются, просит подменить.

– Но вы же не можете постоянно её подменять, нужно что-то делать.

– Она меня тоже выручает, когда к бабушке ездили, к ней за помощью обращалась. А вообще они в конце года в Москву собираются, профессора будут смотреть.

– Есть надежда?

– Есть. Девочке шесть лет, начнёт взрослеть, может боли пройдут, а может и останутся. Смотреть необходимо, лечить. Ну ладно пойду я.

Анна Сергеевна ушла к себе. Фёдор остался один. Ум пуст. Дум не было. По улице проехала каруца, гружёная хлыстами кукурузы. Следом за ней промчался на очередном разноцветном мустанге небезызвестный Генка. Ни забот, ни хлопот, ни тревог. Фёдор вздохнул.

Из комнаты вышла Анна Сергеевна. Фёдор ахнул, вот так красавица. Для кого? Уж не для Емельяна Вячеславовича ли? Тут же одернул себя, не о том мысли в твоей тупой башке. Вслух сказал другое, но правду.

– Анна Сергеевна, Вы удивительная женщина, настоящая красавица.

– Скажешь тоже, – улыбнулась Анна Сергеевна.

– Нет правда, Вы очень красивая.

– Спасибо Феденька.

Она подошла к столу, положила перед Фёдором небольшую связку из трех ключей.

– Это ключи от дома, два желтых. Тот, что побольше от верхнего замка, обычно на него и закрываем. Белый от сарая. Оставь их себе, приходи в любое время, хочешь с ночёвкой. В общем будь как дома.

Федор не ожидал, даже растерялся. – Спасибо Анна Сергеевна.

И тут раздался межгород...

Они переглянулись между собой, кому разговаривать первым, и Анна Сергеевна, легонько, почти незаметно, подтолкнула Фёдора, – иди. В один прыжок оказавшись у телефона, Фёдор поднял трубку.

– Слушаю.

– Фёдор?

– Да, – сразу пересохшим ртом ответил Фёдор, – Да слушаю.

– Здравствуй мой любимый Фёдор Александрович, – в голосе Веры появилась доселе не замечаемая хрипотца. Она что, простудилась?

– Здравствуйте Вера Петровна. Вы как? Столько дней прошло, мы постоянно думаем о Вас и переживаем за Вас.

– У меня всё прекрасно, только тяжелоатом немного. Занятий много, информации много, не всё сразу в черепной коробке укладывается. Приходится там порядок наводить, старье ненужное выкидывать, место освобождать под новые знания. Выручает физо, кроме зарядки ещё каждый день два урока уделяется спорту, как раз перед обедом. А сегодня у нас была баня. Уже вторая. Это такая радость. Запаренные березовые веники. Запах листьев. Очень много пара. Пар обжигает тело, а ты его веником. Как я раньше без неё обходилась? А вы как? Мама далеко?

– Мама рядышком стоит, она всё слышит. Сейчас я ей трубку дам. У нас тоже всё хорошо, я сдал за три класса, комиссия была настроена удивительно благожелательно, очень хорошие люди. Удивились моим знаниям. Вышел с новым классом в совхоз, на виноград. Хожу на тренировки, каждый день, бутылок сдал на семьдесят рублей. Ванечка по тебе скучает, спрашивает постоянно. Ареня с мамой передают наилучшие пожелания. И ещё, самое главное, я Вас очень, очень люблю, Вера Петровна, и жду назад, – решил так сказать Федор.

В трубке на секунду повисла пауза, – И я тебя очень, очень люблю Феденька, и не дожусь когда мы будем вместе, – Вера перестала совсем притворяться, и пошла до конца. Пусть слушают, всё равно. Любовь сильнее страха.

– Вера, целую тебя, маме трубку передаю, уже нет времени совсем, – Фёдор передал трубку Анне Сергеевне.

– Вера, доченька, здравствуй. Ты как?

– Мамочка, милая моя, здравствуй. У меня всё просто восхитительно. Прекрасное место, прекрасные люди, очень интересные знания и умения. Всё очень – очень хорошо. Скучаю только по тебе, так хочется сесть на стул, откинуть назад голову, чтобы ты меня гладила, расчесывала волосы, заплетала их в косы. Хочу крепко тебя обнять и целовать долго долго, сильно сильно. Мне тебя так не хватает.

– Доча, я тоже скучаю. А почему у тебя такой голос охрипший, ты не заболела случайно?

– Нет мама, я совсем здорова, а голос не знаю почему изменился, может после бани. Сегодня так напарилась, еле до комнаты доползла, пол часа валялась на кровати, в себя приходила.

– Вера, ты себя береги, босиком не ходи. У вас в комнате тепло?

..... Всё. Пошли гудки.

Мама ложит трубку, садится на табурет рядом с телефоном. Крестится: – Слава Тебе Господи.

Некоторое время сидят молча, переживая заново короткий телефонный разговор, вспоминая каждое слово, интонацию, паузу. Первой в себя приходи мама. Поднимается.

– Пойду, уже десять минут.

– До свидания Анна Сергеевна, завтра поедем в Кишинёв?

– Да, обязательно, я постараюсь пораньше смениться, подходи к без пятнадцати восемь на автостанцию, в восемь на Кишинёв автобус. Мама поедет?

– Не знаю, спрошу сегодня. Я еще в Вериной комнате посижу немного?

– Сиди конечно, – Анна Сергеевна уже привычно, по-матерински целует его в лоб, похоже ей самой это нравится. Сыновей у неё не было. А уж как Фёдору нравится.

Он провожает Анну Сергеевну взглядом до калитки. За деревьями последний раз мелькает и пропадает её светлый плащ, и Фёдор остается один. На улице уже смеркается, скоро темно, пора домой, но он долго сидит в Вериной комнате за её столом. Перебирая рисунки, опять удивляется её таланту, отмечая всё новые, ранее не замеченные подробности. Вот у капитана на правой скуле лёгкий, почти незаметный шрамик. Как она смогла изобразить шрам именно таким, каким он станет через десяток лет после ранения? Ведь она не провидец, знать будущее не может. И не медик, откуда ей известно, когда шрам затянется. Из специальной литературы? Или срисовала с другого художника? Может от мамы?

А вот рисунок венчания. Получилось то, что изобразить невозможно. У него, у Фёдора нет возраста, ему можно дать и пятнадцать, и двадцать. К тому же и рост вырисован неопределённо, Вера рядом с ним одного роста, но это она себя уменьшила, или его увеличила?

Она действительно талантлива, даже очень, может даже где-то училась, узнать бы. Но Фёдор уже не может размышлять, он чувствует, как наваливается сон, пытается с ним бороться. Хочет даже встать и идти домой, но не успевает. Падает на кровать, и понимает, что подушка пахнет Верой. Вдыхает тонкий, еле ощутимый запах яблок, всегда исходящий от её волос. Сон окончательно обволакивает его, берет в свои сладостные объятия, и последней мыслью, которую он успевает отследить было: – Я засыпаю. Без Веры. Жаль.

Просыпается от толчка, такое с ним случается. Когда опасность, если не успеваешь куда, если что забыл. Фёдор шутит сам с собой, Ангел Хранитель будит. А если разобраться, то может и он. Сколько раз уже выручал.

Спросонья не сразу понимает, что на этот раз, потом вспоминает – акафист, смотрит на часы, скоро девять. Впопыхах бежит домой, там Аренья с мамой уже читают. Фёдор присоединяется к ним на третьем кондаке. Настроение потихоньку улучшается. Дочитывают вместе, читают молитвы, поют величание. Аренья уходит к себе, и они остаются вдвоём с мамой. Фёдор сон перебил, спать не хочется, а вот мать не выспавшаяся, зевает.

– Спать хочешь? – спрашивает он маму.

– А вот и не угадал, – как-то по озорному отвечает мать.

– Что делать будешь?

– Сейчас мы с тобой помолимся, потом ты ляжешь спатки, а мамочка будет писать письмо.

– Кому это, на ночь глядя?

– Угадай.

Фёдор, уже зная кому, разглядывает лицо матери, задерживаясь с ответом. В полумраке от стоящей на её столике лампы она выглядит по особенному привлекательно. Длинные, ниже лопаток, светло русые волосы сочетаются с темноватыми ресницами и бровями, так бывает у крашенных блондинок, но мать не красится. Ненакрашенные губы, даже в полумраке ярко красные, немного тонковаты, но от этого только лучше смотрятся. Носик, как скрепляющий элемент верха и низа лица прямой и немного вздернут. Кожа лица удивительно чистая, ни родинки, ни прыщика. И ко всему нужно представить глаза, сейчас плохо различимые. Голубые глаза. Как у Мальвины, вспомнил Фёдор девочку из их класса.

– Ты что Фёдор меня так внимательно разглядываешь? – с удивлением спрашивает мать, перехватив его взгляд.

– Знаешь мам, я сейчас понял, как много красивых женщин вокруг: Анна Сергеевна, Елена Владимировна, Алла Владимировна, Лизавета, Аурика. Каждая красива по-своему, но ты среди всех самая красивая, самая лучшая.

– Веру забыл, а вообще ты меня комплиментами от дела отвлекаешь?

– Николаю будешь писать? – переводит разговор Фёдор.

– Да, от него сегодня второе письмо получила.

– Как он?

– Десятого октября уходит на три месяца, а после возвращения сразу переводится в Одессу, старпомом на новый сухогруз. С квартирой пока не получается, раздумывает, может домик купить в Одессе, – мама неожиданно погрустнела.

– Лучше бы в Дубоссарах, но и так хорошо, рядом совсем, при большом желании можно за три часа доехать.

Мать, с уже явной грустью – Рядом оно конечно да, – и замолкает.

– Замуж зовет? – догадывается Фёдор.

– Пока нет, в письме вряд ли будет. А как увидимся, может.

– Так у тебя ещё три месяца впереди, не грусти, за три месяца определишься. – Фёдор пытается угадать мамино отношение. – Он тебе хоть нравится?

Мать молча кивает.

– И мне тоже.

Мать отворачивается. Фёдор чувствует, что-то где-то пошло не так.

Глава 5. 1973. Тридцатое сентября. Первая поездка в Кишинев

Ехать с ними в воскресенье в храм мама отказалась. Устала очень, к причастию не готовилась, да и причащались не так давно, две недели назад. Хочет отоспаться, отдохнуть, очень за неделю устала. Ну и пусть отдыхает, подумал Фёдор, поцеловал её, и провалился в сон...

Встал рано, и как обычно: корова, зарядка, чайком с сыром позавтракал. На автостанции был уже в семь. Вокруг всё перекопано, велись строительные работы, хорошо дождей нет, развезло бы сейчас. Первый автобус ушел в пять сорок, второй в шесть сорок. Третий, ихний значит, в восемь. Регулярное сообщение, много рейсов.

Походил по перрону, зашел в буфет, а там запах соблазный. Искусился, выпил томатного сока с двумя беляшами. Заплатил всего сорок семь копеек. За стакан сока и беляши с настоящими, натуральными, большими кусками мясного фарша. Беляши истекали жирным соком, и были очень горячими. Вкуснотища. Их что, здесь и жарят? Это во сколько буфетчица вставать должна? Или повариха жарит? Или жарят в другом месте, а сюда привозят? Нет, вряд ли, беляши кипяточные, только со сковороды.

Ну что еще нужно для счастья желудка? Повеселел сразу. Закралась мысль, а зря поел до литургии, не гоже это. Вдохнул, грешник я. Тут и Анна Сергеевна появилась. Только поздоровались, как подходит мужик, спрашивает, не нужно в Кишинёв? У него два места свободных. По чём? По два рубля. А до Чуфлинской церкви довезёте? Довезёт. Едем.

Через пять минут они мчались на Кишинёв. Анна Сергеевна после ночной приснула, как часто бывает, уронив голову, но не случайному попутчику, а Фёдору на плечо; отчего тот дышать стал через раз, и то в пол вдоха, а потом и сам заснул. Но вот и Кишинёв. Чуфлинская церковь, недавно отремонтированная, впечатляла как снаружи, так и внутри. Настенная живопись в манере Васнецова завораживала. На неё можно было смотреть сколь угодно долго, переводя взгляд с одного изображения на другое, и возвращаясь к началу.

Людей было довольно много, фактически полон храм. Повстречал и знакомые лица. Вот Володя с Аурикой и своими маленькими орлами. Вот ещё кто-то из их школы, лицо знакомое. А когда Анна Сергеевна сместилась в левую сторону оставив Фёдора одного, он, провожая её взглядом, наткнулся на голубые глаза Мальвины. Поймав его взор, девочка подняла ручку и заперебирала пальчиками, поздоровалась значить. В голубом платке и синем платье Галя была удивительно красива. Фёдору поневоле пришлось на ум: – Василёк, мой любимый цветок, – Натальи Ветлицкой. А вот рядом с ней громоздился дед. Дед Саша. Фёдора пока не видел. Зато у него, как узрел деда Сашу, появилась мысль, а не поможет ли он с баней. Вот здорово было бы, Вера приезжает, а у них во дворе банька стоит. Фёдор так воодушевился в мечтах, что совсем потерял нить праздничного Богослужения.

Поняв, что потерял ход службы Фёдор прикрыл глаза, попытался слухом следить за литургией. Поначалу получалось, он молился вместе с чтецами, хором, дьяконом и священником, по возможности подпевая. Но потом мысли опять стали рассеиваться, перескакивать на мирское. Фёдор постоянно пресекал наваждения миром, пытаясь отсечь их от службы, наконец

устав от борьбы, начал читать Иисусову молитву. Стало легче, служба опять вернулась в сознание, и Фёдор к своему удивлению обнаружил, что уже выносят Чашу ко Святому Причастию. Ещё более удивился, увидев среди причащающихся Анну Сергеевну. Надо же, какая молодец, а вот он совсем забыл, и не приготовился. Причастилось и Володино семейство, а ведь тоже, две недели как с предыдущего. Причастились и дед Саша с Галинкой. Федор почувствовал себя неловко, что ж он так, знал же, что поедет в воскресенье в храм, и не подготовился. Чучело нерусское.

Наконец батюшка вынес Крест, началось Крестоцелование. Люди подходили не спеша, без толкотни. Очередь двигалась быстро, и в этот момент Фёдор почувствовал: – кто-то влаживает что-то ему в руку. Фёдор оглянулся, чуть сверху на него смотрела Лица Кагульская, прижимая к губам указательный палец правой руки.

– Тссс, читай каждый день, – и скорчила по-дурацки рожицу.

Сбоку чуть подтолкнули, Фёдор сделал шаг, другой. Поцеловал Крест, наклонил голову, а когда повернулся, блаженной уже не было. В мозжечке неотступно молоточком билось: – каждый день, каждый день, каждый день...

Главной святыней Чуфлинской церкви является кусочек мощей Преподобного Великомученика Феодора Тирона из монастыря Хопово. Братья по вере, православные сербы, подарили частицу церкви, носящей имя Святого Великомученика. Каждый, кто бывает в Чуфлинской церкви старается приложиться к его мощам. Во время литургии мощи были закрыты, но вот, после окончания, их открыли и православный люд выстроился в очередь к святому. Приложился и Фёдор. Сел в уголке храма на скамью, слушает благодарственные молитвы. Рядом Анна Сергеевна присела. Тоже слушает. Ей вообще надо, она сегодня причащалась.

Но вот и молитва закончилась. Всё. Конец. Люди потянулись на выход.

– Что это у тебя? – спросила Анна Сергеевна, показывая на руку.

Фёдор, ещё сам не читая, раскрыл руку, протянул комочек бумаги. Анна Сергеевна взяла, аккуратно стала разворачивать. Развернула, разгладила, начала читать. Прочитав протянула назад Фёдору.

– Молитва задержания. Откуда она у тебя? Это большая редкость, даже в молитвословах не всегда печатается.

– Сильная молитва? – биение молоточков ослабевает, а вместе с ним уходит и височная боль. Фёдор поворачивается к маме лицом.

– Очень сильная. Читая её молящийся может противостоять любому злу: колдовству, пьянству, распутству, любой черной бесовской силе. Это конечно, при условии, что исповедуется и причащается. Но когда люди не могли исповедоваться и причащаться, не было рядом священника, не велись в окрестностях службы, она давала человеку надежду. Надежду и веру в лучшее будущее. Служила ему надёжным покровом от зла. Когда кругом нестроения, войны, эпидемии, или, когда у человека в жизни всё рушится, и не знаешь за что хватиться, читают её. Только откуда она у тебя? – повторно спрашивает Анна Сергеевна.

– Лика Кагульская.

– Она? – нахмурилась мама. – Я её в храме не видела.

– Я тоже. Ко Кресту, когда подходил в руку сунула. А как Крест поцеловал, уже исчезла.

– Странно. Но молитва сильная, только читать нужно по благословения священника.

– А я сейчас и возьму, – отвечает Фёдор, замечая выходящего из алтаря священника, проводящего службу. Фёдор встает и идёт ему наперерез, стараясь пересечься на середине храма. Батюшка, заметив подходящего мальчика, останавливается.

– Батюшка, можно Вас на минутку.

– Ну если только на минутку, – видно, что батюшка очень торопится.

– Батюшка, благословите на чтение молитвы задержания.

– Какой молитвы? – переспрашивает батюшка.

– Молитвы задержания, – повторяет Фёдор, и протягивает ему расправленный лист с молитвой.

Священник берет лист, внимательно читает, но не дочитывая до конца восклицает, – Что за чушь, откуда это у тебя, отрок?

– Батюшка, благословите, – Фёдор складывает ладони лодочкой, и тут же чувствует, опять что-то не так, но пытается упорствовать на своем.

– Ты вообще чей? – батюшка упорно уводит в другую сторону.

– Как чей? – недоумевает Фёдор.

– Кто твои родители, где они, откуда вы? Раньше тебе здесь не видел. Откуда приехали, или местные? – продолжает допытываться поп.

Фёдор внезапно ощущает усталость, в теле появляется слабость, немного начинает побаливать голова. Он смотрит на священника: осоловелые, ничего не выражающие глаза, бездонные, будто стеклянные. Как у рыбы. Как у куклы. Фёдор внезапно понимает, что тот ему чужой, возможно даже он стоит на противоположной стороне, и никакого благословения от него не получить. Опять ошибка. Очередная ошибка. Не нужно было сломя голову мчаться за благословением. Можно было взять у отца Климентия.

– Так ты долго будешь молчать?

– Молитву отдайте, – Фёдор протягивает руку, резко обрубая общение.

Поп молитву не отдает, сжал её в руке, смотрит со смешанными брезгливостью и неприязнью, как палач на приговоренного к отсечению главы. Ещё и руку чуть отворачивает от Фёдора, боится, что выхватит что ли.

– Молитву отдай, – полушепотом повторяет Фёдор.

– Ты как разговариваешь со святым отцом?

Священник искренне возмущен, какой-то шмакодявчик ведет себя с ним независимо и неподобострастно, да еще и тыкает.

– Это ты что ли святой? – Фёдор припоминает, что кажется такого обращения в православии никогда не было, и не могло быть в принципе. Он делает попытку выхватить молитву из руки батюшки, но тот оказывается на удивление резвым, мгновенно уводит правый бок назад, и Фёдор остается ни с чем.

Но вот сам батюшка делает непоправимое, он поднимает руки и медленно, демонстративно рвёт молитву, бросая обрывки на пол, – Не благословляю.

После чего удаляется из храма, по пути, на ходу благословляя обращающихся к нему. Даже не останавливаясь.

Фёдор падает на колени, собирает разлетевшиеся обрывки, рядом на корточки присаживается Анна Сергеевна, помогает ему. Наконец собрали, и вовремя, женщины начинают уборку храма, и уже вносят вёдра с водой и швабры...

А на улице солнце, весь двор тонет в солнечных лучах, жёлто красные листья под ногами приятно шуршат, создавая праздничное настроение. Люди приветливы и улыбки, настоящий воскресный праздник. У ступенек ждут Володя с Аурикой и дед Саша с Галиной. Мужики здороваются меж собой. Рука Фёдора тонет в оглобле деда Саши. Володя конечно тоже здоровый, но дед Саша, это что-то. Глыба, скала, утёс. Настоящий русский богатырь.

Фёдор знакомит их меж собой, перебрасываются десятком слов.

– Давайте посидим немного, такая благодать, – Аурика показывает на скамеечки у храма.

Прошли чуть дальше, уселись на скамеечки. Погода действительно радует. Тепло, Небольшой, еле заметный теплый ветерок. Падающие с могучих клёнов листья всех цветов склоняют к размышлениям о бренности этого мира. Всё лето они трудились, создавая условия жизни материнскому дереву, и получая от него за свою работу достойное вознаграждение. И вот осень, дерево начинает готовиться к зиме, и сбрасывает этих трудяг, как не имеющих шансов выжить в пусть и тёплой, но все-таки зиме. Перезимую, дерево призовет на службу новых солдат, забыв об этих, и тысячи свежераспустившихся работников станут на обслуживание дерева мамы. Они будут самоотверженно трудиться, наслаждаясь радостями короткой жизни, и спустя весну и лето тихо и смиренно уйдут, также как их предшественники, освободив место для новых, уже таящихся в почках листьев.

У Фёдора резко сменилось настроение. Нет, он не циклотимик, это его мысли улетели далеко, в сырой дождливый Питер, к Вере. Они с Верой как эти падающие листья, и ветер

несёт их, меняя обстоятельства жизни, людей их окружающих. Они с Верой листья. Придёт время, и они покинут этот мир и уйдут на Суд Божий. Также, как миллионы других людей, копошащихся в своих проблемах и заботах. Как эти желтые, багряные листья. Что принесут они и протянут Господу в своих руках как оправдание? Что возьмут из этой жизни, и что есть жизнь? Что благословляется в этой жизни? Фёдор вспомнил так нелюбимого им Есенина:

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льётся с клёнов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвеств и умереть...

Фёдор очнулся от того, что Галя обращается к нему. Наверное, уже не в первый раз.

– А вы часто ездите в этот храм? Я первый раз вас вижу. А почему ты не с мамой и братом, а с этой женщиной? – интересуется Галя. Простая русская девчонка, которой все интересно.

– Это мама моей первой учительницы, Веры Петровны, – отвечает Фёдор. И сразу расставляет точки, – Она сейчас в командировке в Ленинграде, я её очень люблю и скучаю. А мама за неделю сильно устала и не смогла.

Галя молчит, переваривая информацию. Фёдор прислушивается к разговору взрослых, Аурика зовёт всех к себе в гости.

– Поехали, правда. Мы в своём доме живём. Домик небольшой, но все разместимся, можно и на улице, под террасой, погода позволяет. Праздничный обед соорудим. Володя вчера минтая купил, с утра размораживаться положила, пирог рыбный сделаем, ещё и на пожарить останется. Ещё тортик со вчерашнего дня готов, дожидается, сама делала. Поедемте.

Предложение, сделанное отнюдь не в книжной форме, всеобщего энтузиазма не вызывает, скорее всего у каждого уже свои планы на воскресенье. Фёдор думал домыть бутылки, ещё с пол сотни осталось, нужно место под навесом освободить. Да и деньги пора накапливать. На баню. Вечером творог увезти Мартыновым. Те берут раз в неделю, но помногу, килограмм по шесть, восемь. Сыр делают. Еще и сметаны трёхлитровку. Выгодно. С Ванькой хотел повозиться, корабль ему из дощечек выпилить, под парус поставить. В общем Фёдор тоже молчит, предоставляя решать вопрос взрослым. Хотя его никто и не спрашивает.

– Оставайтесь, – поддерживает жену Владимир, – баньку протопим, настоящую, русскую. По-нашему, по северному сложенную. Попаримся с веничком, оставайтесь, – уже чуть не спрашивает он.

– А можно в баню после причастия? – спрашивает Фёдор.

Все задумались, действительно, после причастия как-то не совсем правильно в баню идти. Вообще в воскресенье в баню неправильно, разве после шести вечера, а тут после причастия.

– Ну давайте просто посидим, – вмешивается Галя. Ей сразу домой ехать не хочется, и её голос решает всё, устами ребёнка глаголет истина.

Фёдор был немало удивлен, когда дед Сергей пригласил их к машине, вон как, оказывается у него свой автомобиль. Правда Москвич, универсал светло коричневого цвета, отнюдь не гармонировал с брутальным видом деда, но он этого совсем не смутился. Видно было, что относился к своему трудяге с любовью. Почему трудяге? Садясь на заднее сиденье, Фёдор увидел сзади на полу просыпанные зёрнышки кукурузы, значит кукурузу возил, значит работает на нём.

Галина добровольно уступила переднее место Анне Сергеевне, уделяя Фёдору всё больше внимания, и они тронулись. Впереди на копейке Володя, они сзади, чуть отставая. Ехать оказалось сравнительно далеко, аж до Дурлешт, ближе к лесу. Жили Володя с Аурикой на самом краю, но подъезд хорош, асфальт до самого дома. Участок тоже не маленький, соток двадцать, не меньше.

– Тут два участка соединены, один Аурике от бабушки достался, и мы ещё один у соседей выкупили, присоединили. На меня оформлен. – объясняет Володя.

Домик маленький, один в один как у Арени. Как они впятером в нём уместятся? Рядом строят новый, большой, метров десять на пятнадцать, не меньше. С подвалом во весь дом. Значит вода далеко. Хотя подвал неглубокий, наполовину из земли выступает и больше на подвальный этаж смахивает. Участок перегорожен сеткой рабица, за ней подальше виднеется бревенчатая баня, к ней пристрой. За баней небольшой сарай с загонем где копошатся куры с важным красавцем петухом.

Перед домиком небольшая терраса под виноградом, под ней тенёк. Стол со скамьями. За террасой детская площадка: деревянный домик, песочница, горка, деревянная стенка с шестом и кольцами, небольшая карусель. Видно, что детей здесь любят.

– Пойдёмте мужики баньку покажу, только поставил, лес из Тамбова попутно вёз, сама баня четыре на шесть, к ней пристрой присоединил под дровяник и сарайчик, ничего так получилось. Пару раз уже мылись. Эх жаль, сегодня не помоемся. Давайте в следующее воскресенье к нам на баню, а? Шашлычков наделаем, попаримся.

– Можно. Как думаешь, Фёдор Александрович, подъедем к Володе на баню?

– С радостью дед Саша.

– И я тоже поеду – вмешивается Галя, ну понятное дело, как без неё.

Около бани мангал, большой, можно на взвод корейского спецназа шашлыков наделать. И сварен по уму. А баня! Баня вообще хороша. Вначале пристрой, в нём два на два тамбур с висящими дубовыми и берёзовыми вениками. Справа дровяник и небольшой сарайчик. Слева вход в баню, ещё одна комната таких же размеров, это раздевалка, из которой топится банная печь. Дальше собственно баня, разделена на два одинаковых отделения, парилка и помывочная. Печь сварена из толстостенной трубы пятисотки, проходит по всей длине парилки, обложена камнями, загорожена съёмной решеткой. Из раздевалки вход в помывочное отделение, из него в парилку. Всё аккуратно, чисто. Пахнет свежеструганным деревом.

В раздевалке столик с электрическим самоваром, чайная посуда в шкафчике на стене. Две длинные свежеструганные скамьи, огромное, во весь рост зеркало. Фёдор усмехнулся, себя

что ли голого разглядывать. В помывочной две низкие скамьи, три тазика, двухсотлитровая бочка с холодной водой. Горячая вода подается в помывочную в двадцатилитровую кастрюлю без крышки; квадратный бак литров на сто вварен прямо в печь, являясь с ней одним целым. У Фёдора возник вопрос, как такую печь, этакого монстра, сюда ставили. Только подъемным краном, вручную человек восемь нужно и то, под силу ли. Хотя что он, у дорожников техники всегда хватало, неужели для себя один подъём крана не выбьет? Хорошая банька, четырьём взрослым мужикам мыться будет комфортно, можно и больше, но уже тесновато.

У Фёдора даже вырвалось, – Эх, красота, нам бы такую.

– Не кручинься, сделаешь. Дай время. И мы поможем, правда, дед Саш?

– Поможем, само собой, как же не помочь, пусть деньги копит. Печь у тебя знатная, такую же себе сварю, – дед внимательно разглядывает печь.

– Ты что, баню строишь? – спрашивает Володя.

– Ещё нет, летом работы море, бывают дни, еле до кровати доползаю.

– Что, так сильно устаешь? Ты вроде не старый, какого года?

Двадцать первого, так-то да, не старик, но наш начальник мёртвого до кондрашки загоняет. Сварной я один, всё никак второго в штат не выбьют, вот и приходится крутиться как белка. Ну мы зла не держим, на то и лето. Зимой работы много меньше будет, вот баней и займёмся, давно уже мечтал. Такую нам конечно не потянуть, богатая у тебя баня. Нам с Галинкой такую большую не нужно, поменьше сделаем, двум человекам разместиться, помыться, попариться.

– Почему двум? – возражает Галя, – А если ко мне подружки придут? Или к тебе друзья объявятся, или вон Фёдор с Васькой в гости заглянут? Нет, я не согласна, нужно побольше ставить.

Дед смотрит на внука с какой-то особенной лаской, так мама смотрит на своего новорожденного ребеночка, и Фёдор понимает, будет ей баня, не хуже этой. В лепёшку дед расшибется, а всё для неё сделает. Галя перехватывает взгляд Фёдора, смущенно улыбается.

– Так ты и воевал? Двадцать первого года, вас же почти никого в живых не осталось, все в войну полегли.

– Воевал, как без этого. Двухпроцентники, слышал о таких? С пятого сентября сорок первого, и до третьего сентября сорок пятого, в аккурат четыре года без двух дней. Не полностью конечно, было дело и в госпиталях пришлось поваляться.

Дед отошёл в сторону, разглядывая оконные проемы, а более показывая, что разговор о войне поддерживать не намерен. Володя понял, повернулся к Фёдору.

– Слушай Фёдор, я завтра думал к тебе вечерком заскочить, договориться по дровам. Ты как, готов? В какой день везём? На этой неделе будем вывозить.

– В какой день хотел? Так-то я в совхозе на винограде, вечером тренировки с пяти часов. Просто скажи в какой день, я ждать буду.

– Давай во вторник, в начале две машины по первому адресу, примерно в три и в четыре. По остальным двум на следующей неделе поговорим. Там не факт ещё, что получится, но постараемся. И ещё, водителям по рублику за машину дай, не жлобись, лады?

– Будет им по рублику. Но хоть одну ещё надо, а то я сам без дров останусь. А что, хлысты большие по длине? Сколько кубов в машину влезет?

– Я говорю, постараемся. Кузов в длину три семьдесят пять. Значит метра по три с половиной напилим. Кубов семь, семь с половиной загрузим точно. Кстати, дед, ты не в своём доме живешь? – обращается он уже к деду Саше. – Если всё срастётся, могу в честь знакомства тоже машину подогнать. У нас неучтёнка, выпиливаем рощицу небольшую и ветрозащитную посадку. Будем новую дорогу вести ко второй очереди птицефабрики. До комплекса доведём, а у себя внутри пусть сами птичники командуют.

– Не откажусь. У нас с Галинкой правда дрова на этот год припасены, и уголь тоже. Но запас карман не тянет. Так что вези. Попилим, в поленницу сложим, пусть сохнут. Тем более, если зимой баню обновим, дрова нужны будут.

– Заявку напиши, и адрес укажи, сейчас пойдём, покажу как...

Дед нравился Фёдору всё больше и больше. И Владимир нравился, и Аурика, и Галя. Все нравились. Добрые они все. Но быть добрым, – это непросто. Как-то, ещё в Боснии, в сырых промозглых окопах, один старик чётник, парадоксально уважающий Сталина, загадал ему загадку. Какого человека можно уверенно считать добрым? Много ответов предложил Федор, но ни один не подошёл старому сербу.

Правильный ответ заставил надолго задуматься: – Ты приди к нему бродягой, вонючим и завшивленным. Приди таким, и тогда узнаешь, добрый он или нет.

Фёдор усмехнулся, не знал он, что в Сербии тоже есть бомжи и бичи, и вспомнил притчу о добром самарянине, а старый воин, немного помолчав, добавил, – И всё равно, запомни: добрым быть не очень тяжело, и нам, православным, по силам. Ты попробуй прожить жизнь справедливо. Это непросто...

Удивительно как хорошо слаживается, может деду Саше случайно удастся дровами помочь. За баню сам собой разговор зашёл, он даже не спрашивал, потом будет удобно про него напомнить. Только вот дед сказал, что у них с Галей. Они что, вдвоём живут, а мама с папой Гали где? Умерли, или в командировке какой? Фёдор вздохнул, и чего он о Гале думает, у него ведь есть Вера. Верочка...

Дед Саша собрался в магазин, пригласил Анну Сергеевну с собой, которая, как показалось, с радостью согласилась. Фёдор, видя такое дело, тоже подходит, протягивает деду рубль.

– Дед Саша, возьми, купи что-нибудь к чаю.

Дед долго смотрит на протянутый рубль. До того долго, что Фёдор опускает руку, понимая, что сморозил. Дед ложит свою ручищу ему на плечо, слегка сжимает, ничего не говоря, и так понятно...

– Георгий, – зовет своего старшего Владимир, – пойди, покажи ребятам двор, пока мы стол накрывать будем.

Георгий, которого братья зовут Юриком ведёт их на задние дворы, попутно показывает многочисленное курино утиное семейство. Вернее, не утиное, а индоутиное. С ними проще чем с утками, меньше слякоти. И не орут как бешеные, шипят только. Но детям надо быть настороже, – щипаются. Славка и Данька, младшие Юркины братья, – учёные, через птичий двор ходят с серьезными прутьями.

По задам участка колосилась лебеда. Высоченная, больше чем у Арени. Даже рослый Фёдор с Галей, примерно одинакового роста, полностью скрываются с головой, а мелкие в ней совсем тонут, настоящие ходы наделали, сродни лабиринтам. Пройдя лебеду, вышли на большую сточную канаву, скорее маленький овраг.

– Весной, когда снег тает здесь ручьи, и осенью, если сильные дожди, тоже. Вода отовсюду сюда стекает. Папа хочет большую яму выкопать, а снизу плотину сделать. Получится озеро. Будем рыбку разводить.

– Нет, озеро не получится, места мало. Пруд получится, – авторитетно заявляет Галя.

– Неправда, много места, озеро получится, – спорит с ней шестилетний Славка.

– Отец ходил со специалистами, воду искали. Они рамками замеряли и рамки сильно крутились. Сказали, что внизу, под землёй ключи, нужно копать и они забьют. Значит будет озеро, – аргументировано поддерживает брата Георгий.

Он по-детски пытается заигрывать с Галей. Но видно, что Галя им вовсе не интересуется, она отвечает степенно, не желая огорчать маленького хозяина, но и не идя на поводу у его детских ухаживаний. Сама уже дама, а может перед Фёдором. Впрочем, к себе повышенного с её стороны внимания он тоже не обнаруживает. Ну и хорошо.

Сама идея Фёдору нравится. Он прикидывает размеры. Метров тридцать пять, сорок по ширине, а в длину вообще копай сколько влезет. Хоть сто метров. Интересно, власть разрешит? Всё-таки серьёзный проект. Одно дело яма десять на десять, для уток. Выкопал, никто ничего не видит, утки купаются, кому какое дело. Совсем другое метров сорок на сто, это уже Природнадзор, или что там в СССР было. Да и власть сама может быть против. ОБХСС быстро припаяет возможность нетрудовой деятельности. Сложно это всё при коммунистах было. Хочешь, что сделать, а найдётся чиновник мракобес, и зарубит. Хотя так на Руси всегда было, хоть при Царе батюшке, хоть при коммунистах, хоть при демократах. Одни хотят работать, другие за их счет живут, и им же запрещают...

Когда вернулись, к столу как раз подошли ушедшие в магазин. Дед Саша достал из торбы пачку чая, пару шоколадок, кулёк конфет, большой кусок сыра, батон сырокопченой колбасы, две баночки красной икры, три бутылки Буратино. Оказывается, пока Фёдор с Галей и мелкими обследовали место будущего пруда, они с Анной Сергеевной сходили в недалеко распо-

ложенный магазинчик. Ничего толкового там не нашли, и успели съездить в Кишинёв в центральный Гастроном, немного подзакупились.

Молились они интересно, вместо положенных перед трапезой молитв, три раза пропели Христосе Воскресе. Мы по воскресениям всегда так поём, а в обычные дни, как положено, пояснила гостям Аурика.

Места за столом хватило всем с избытком, и Фёдор с удивлением обнаружил себя сидящим рядом с Галей. Далекий от мысли о преднамеренности совпадения, Фёдор принимал ухаживания от неё, подлаживающей то кусочек рыбного пирога, то кусочек торта. Поймав на себе взгляд Анны Сергеевны, внутренне усмехнулся, терпи теща, всё в норме, на баню работаем. А вообще Галя хорошая девочка, вот только есть одно но: он, полковник Руснаков ни капли не педофил, и вообще, он Веру любит.

В тенёчке виноградника оказалось довольно прохладно, и женщины одели кофточки, одел свитерок и Фёдор. Но мальчишки носились в одних рубашках, да ещё и босиком. Аурика их одеваться не заставляла, предоставив самим себе.

Ел Фёдор как обычно, много. Стол правда был больше похож на шведский, чем обеденный, но едой заставлен. Жареный минтай, рыбный пирог, нарезки сыра и колбасы, плацынды с луком и яйцом, стандартный салат из помидор с белым луком, приправленный подсолнечным пахучим маслом. Бутерброды с маслом и красной икрой. Посередине миска с варёными яйцами, к которым никто, кроме Фёдора не прикоснулся. Он чистил яйцо, разрезал его пополам, ложил кусочек сыра и чеснока, заправлял майонезом. Заедал помидором. Получалось вкусно. Глядя на него попробовала такой мини бутерброд и Галя. Теперь от нас обоих будет чесноком пахнуть, подумалось Фёдору. Ну и ладно, нам не целоваться.

После еды подали два арбуза. Огромных. Потому и съели только один. Аурика предупредила, что впереди ещё торт. И всё равно, очень вкусный торт, похожий на Графские развалины, хоть и похваливали, но ели вяло, места ни у кого не осталось. Ни у кого, кроме Фёдора.

Чай был подан с самого начала застолья, и Фёдор выпил три кружки, когда почувствовал, что наелся. Потянуло в сон. Мальчишек уже давно сдуло, за столом начались взрослые разговоры, и он поглядывал на кровать, что стояла у самого дома. Пружинная старая кровать была застелена отжившим своё комковатым матрасом, сверху старым покрывалом, и Фёдор, поблагодарив Господа за обед, переместился посидеть на неё. Посидел пяток минут, прислушиваясь к разговорам за столом, да и закемарил. Глаза отяжелели, двигаться не хотелось, Федор прилёг на кровать, опустив ноги на землю, и выключился. Пришёл в себя, когда рядом присела Галя.

– Спишь? Что ночью будешь делать?

– Спать буду, – немного недовольно ответил Фёдор.

– Это понятно, – вздохнула Галя, – ты скажи, я вот нормально боксирую?

Ну и вопросик, Фёдор сразу проснулся, для одиннадцатилетней девочки вопросик. Или ей с ним поговорить хочется, а говорить не о чем?

– Пока рано говорить, ты ещё месяц не ходишь. Но пока получается. Главное не бросать. Будешь ходить, будет получаться.

– А если у меня нет таланта?

– Талант он у всех есть, у одних больше, у других меньше, в конечном счёте побеждает тот, кто больше тренируется. Слушай, дай я присяду, а то мне неудобно, ты сидишь, а я разлегся помещиком новоявленным.

– Да ничего, лежи, я не крепостная, – ответила Галя, но всё равно привстала, и Фёдор переместился из полулежачего положения в сидячее. Заколото иголками ноги, кислород спешно катапультировался к зажатым нижним конечностям. Фёдор недовольно сморщился, терпеть не может такое состояние. Галя поняла по-своему.

– Что-то заболело?

– Нет, ноги отлежал...

За столом разговор ушел в приглушённые тона, Фёдор прислушался. Обсуждали недавний взрыв в мавзолее. Ну да, было такое, один придурок взорвал на первое сентября заряд аммонала, себя убил, ещё двоих ребят школьников искалечил. Видать "новость" только недавно дошла.

– У нас в университете, все преподаватели второй день только об этом и разговаривают, как будто других тем нет. Отвлекутся на чуток, и по-новому, – Аурика, наливая чай Анне Сергеевне, говорит в пол голоса.

– Грязный, глупый поступок психически неуравновешенного человека, никому не нужный. Гордый и недалекий, растущий из глубины страстей. Хотел прославиться, а на других ему было всё равно, подумаете люди погибнут, – Анна Сергеевна верно раскрывает событие.

Фактически не обладая и толикой информации, в одиночку проводит краткий анализ, и делает совершенно правильные выводы. Такие же сделает следствие, спустя месяцы работы десятка сотрудников, подумал Фёдор.

– Похоронить надо человека. Панихиду отслужить и в землю положить, – дед Саша вносит свою лепту в разговор.

– Ты про кого? Про бомбиста? – спрашивает Володя.

– Про обоих. Что его выставили на показ, как Тутанхамона. В земле должен православный лежать, а не в мавзолее. Мавзолей это для мусульман, или для индусов. Они любители такое строить. Нам это зачем.

– Какой же он православный, и вообще, почему? Мавзолей есть и у католиков. Например, мавзолей католических королей в Гренаде. Мусульмане и индусы скорее подхватили тенденцию строить мавзолей, а первоначально это появилось в языческих культурах. Первый широко известный мавзолей, кстати одно из семи чудес света, это гробница царя Мавсола. Построена в честь мужа, по желанию его вдовы Артемисии, еще в середине четвёртого века до нашей эры.

Простоял две тысячи лет и рухнул от землетрясения. Остатки были использованы на строительство крепости католическими рыцарями.

– Аурика Александровна, Вы историк? Так хорошо разбираетесь в истории, спрашивает дед Саша.

– Да, преподаю в государственном университете. К сожалению, история наука хрупкая, не терпит вольного с ней обращения. Иначе, в зависимости от точки зрения на события, возникают такие противоречия, которые могут быть разрешены только силовыми методами.

– Извините, не понял, при чём тут взрыв в мавзолее?

– Наша власть сама загоняет себя в угол принятием полярных решений. Положить Ленина в мавзолей не самое умное решение. Противоречащее всему духу развития русской цивилизации, и всех народов, связавших свою судьбу с русскими.

– И всё же при чём здесь взрыв? Человек психопат, не было бы мавзолея взорвал бы себя в другом людном месте. Это не политика, вы не согласны? – подключается к дискуссии Анна Сергеевна.

– Безусловно, однако взорвал себя он именно в мавзолее.

– Так, дорогие гости и супруга моя любимая, давайте о чём-либо другом. Не та тема, которую стоит обсуждать, пусть власть сама решает, кого она хочет в мавзолей положить, кого не хочет...

Владимиру явно не нравится затронутая тема, и он пытается перевести разговор в другое русло.

Фёдор опять начинает засыпать, но с Галиной не соскучишься, она пихает его логонько в бок.

– Пойдём немного поработаем на руках, что толку лежать.

– Пойдём, – соглашается Фёдор, действительно, что вылеживаться...

Назад они едут затемно, теперь уже заснула Галя. Федор расстраивается не из-за этого, он смотрит в окно, где погода испортилась, ощутимо похолодало. Впервые за месяц идёт лёгкий, почти незаметный дождик, скорее морось. Впереди о чём-то в пол голоса переговариваются дед Саша с Анной Сергеевной. В машине тепло, Фёдор думает о Вере, где она сейчас, что с ней. Сердце рвется от необъятной тоски, он начинает читать Иисусову молитву, и внезапно на память приходит отрывок из стихотворения Юлии Звездинской:

Молитва нас с тобою вместе держит,

Невидимой соединяет нитью.

Поэтому я беспокоюсь реже,

А наслаждаюсь Богом данной жизнью...

1973. Тридцатое сентября. Интерлюдия вторая. Вера

За две тысячи километров от Фёдора, спящая девушка потянулась и вздрогнула, раскрыла глаза. Федечка. Первая мысль о нём. Где ты сейчас? С кем? Что делаешь? Она встала с кровати, подошла к окну, прислонилась лбом ко стеклу. На улице темно. Холодно. Сыро. Дождь. Серый безконечный дождь. Уже второй день. До конца командировки восемьдесят пять дней. Как их пережить? Восемьдесят пять дней без тебя. Потом ещё два дня дороги. А потом...

Сердце девушки учащённо забилося...

Раскрылась дверь в комнату. На пороге показалась Лена, заядлая спортсменка и очень веселый и приветливый человек.

– Вера, пойдём с нами в волейбол, Хромой неофициальное первенство проводит, а у нас как раз человека не хватает. Мальчишки нашей группы уже хвастаются, что всех порвут. У них два разрядника играют. Я тоже разрядница, и Катьку позвали, но ещё бы кого. Шесть на шесть. Три партии до пятнадцати очков. Проигравшие скидываются на ресторан победителям, с Пионом согласовано. Там уже толпа зрителей, со всех курсов, даже обе стенографистки с поварами пришли.

– Да ну Лен, не хочется. – Вере действительно не хочется, тем более спросонья. Лучше она посидит, письма маме с Федей напишет. В предпоследний раз Феде написала, и довольно длинное, а матери никакого не удосужилась чиркнуть. Теперь совесть гложет.

– Да брось ты Вер, пойдём, ты же как мастер играешь. Самой не досадно будет, если мы мужикам сольём? Будут потом подхихикивать всю неделю, да ещё и корми их. Они ведь много едят. Пойдём, – уговаривает Ленка.

Вера задумалась, а что бы посоветовал сейчас Федечка? И, потрянув головой решает, – А пойдём, сейчас мы их на место поставим. Я в ресторане в жизни ни разу не была...

Письма она всё-таки потом написала. И матери, и Фёдору, и Арене. При свете фонарика, чтобы с улицы в комнате свет не был виден. Закончила к часу ночи...

Глава 6. 1973. Первое октября. Четыре

В одно и тоже время, практически одновременно в разных местах нашего грешного мира, происходили следующие события...

– Разрешите товарищ полковник? Старший лейтенант Новосёлов прибыл в Ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы.

– Проходите капитан, присаживайтесь поближе.

– Товарищ полковник?

– В кадрах приказ о присвоении вам звания капитан. Зайдёте, распишитесь.

– Спасибо товарищ полковник.

– Не за что, – усмехнулся хозяин кабинета.

Полковник Чвертко откинулся на спинку удобного кресла, вглядываясь в уже немолодого плечистого офицера. Сколько ему? Тридцать пять, сорок? Не успел личное дело посмотреть. В любом случае начинать делать карьеру поздновато. Но, по отзывам служака добрый: дотошный, скрупулезный, внимательный. Именно такой и нужен.

– Иван Сергеевич, правильно?

– Так точно, товарищ полковник.

– Давно приехали?

– Вчера утром, товарищ полковник.

– Как разместились?

– Хорошо, товарищ полковник.

– Вы капитан поживите в общежитии недельку, и мы Вам четырёхкомнатную служебку предоставим, у нас сотрудник освободил, перешёл на другое место службы. На неделе ремонт небольшой закончим, и на выходных заезжайте. Прекрасная квартира, большая, светлая, в центре Кишинёва: лоджия, балкон, два санузла, ванна. Сам бы жил, честно. У Вас четверо детей? Два мальчика, две девочки?

– Так точно товарищ полковник, четверо. Спасибо товарищ полковник.

Чвертко скривился, ...товарищ полковник, товарищ полковник... – уже слух режет. Давно пора в генералы переходить, а он всё в полковниках. Ладно, это после, пора за работу.

– В пятницу пришёл пакет документов из Москвы, по созданию в республиканских Комитетах отделов и групп специального назначения. Это официально, и по всем республикам Союза. Республика у нас небольшая, поэтому по штату в Группе специального назначения пока четыре человека, думаю для начала вполне достаточно. Приказ о присвоении Вам звания капитан, приказ о Вашем назначении руководителем Специальной Группы, положение по спецгруппе, штатное расписание, всё в кадрах. После беседы ознакомьтесь. Официально группа будет входить во вспомогательные подразделения. Подчиняться мне напрямую, отчет по первым и пятнадцатым числам каждого месяца, если не появится необходимость принятия срочных решений. С задачами и направлением работы детально ознакомьтесь в кадрах. Ваш кабинет двести седьмой. Зайдёте в секретку за ключами. Вопросы?

– Спасибо товарищ полковник, вопросы появятся после изучения документов.

– Хорошо, давайте тогда поговорим, что называется, не для протокола. Я обрисую Вам своё видение ситуации и намечу примерный фронт работ на ближайшее будущее.

– Слушаю.

Полковник Чвертко встал и заходил по кабинету, что-то обдумывая. Дело понятное, ничего особенного. Думается, ребята справятся. Но как бы не передавить, работать нужно остороженько, ювелирно. Всё-таки дети. Менты и так уже посмеиваются, типа гебешники как слоны в посудной лавке работают. – Чвертко опять сморщился, – Ох уж эти менты. Коллеги.

– Итак вкратце. Последние несколько лет по стране фиксируются абсолютно точные сведения о появлении талантливых ребят. Возраст разный, от пяти – шести лет до пятнадцати – шестнадцати. Партия приняла решение взять этих ребят под свой контроль и свою защиту. Руками и мозгом партии в этом деле будем мы, чекисты. Вам пока понятно?

– Так точно, понятно.

– Это хорошо. Ну так вот, есть такие ребята и в Молдавии. Пока трое. Галя Васильева одиннадцати лет, из Дубоссар. Ион Мултинеску, семилетний мальчик из Оргеева. Хорошие ребята, очень перспективные, уже сейчас понятно, что у них большое будущее. И есть ещё один, это не просто талант, это бомба. Фёдор Руснаков. Девять лет исполнится в феврале. Учится кстати в одном классе с Васильевой. Пока в одном классе. Неделю назад сдал экстерном программу за первые три класса. Удивил и настроил в свою сторону всех членов приёмно переводной комиссии, даже ярых скептиков, в том числе и нашего секретного сотрудника. Штатного. Вы слушаете?

– Так точно, товарищ полковник, очень внимательно.

– Ну так вот. Идём дальше. Ваша задача состоит в том, чтобы выявлять таких талантливых ребят и помогать им. Не напрямую. Так, чтобы никто об этом не догадывался, и конечно защищать от возможных угроз. Выявлять в первую очередь не столько талант по направлениям деятельности и обучения, сколько по возможности мышления и оценке действительности и перспектив бытия. Это очень непросто, но возможно. Помогать это значить помогать в первую очередь правильному развитию личности, хотя и в плане материальном нужно тоже приложить усилия. Быт этих детишек, условия проживания, обеспечение направления увлечённости. Всё вплоть до питания и одежды должны обеспечивать нормальное гармоничное развитие ребёнка, с учетом его сверхспособностей. Делать это необходимо максимально скрытно, в крайнем случае через органы власти и партийные органы. Хотя шила в мешке конечно не утаишь. Но стараться нужно. И последнее, это защита. Открытых угроз у нас пока не наблюдается, но всё же. Соседи, – приглядитесь к ним; учителя, – грубиянов и недалёких от ребят нужно отстранять под благовидным предлогом. В общем всё, вплоть до злых собак и хулиганов на соседней улице.

Пётр Владимирович присел в кресло, – Примерно так, задавайте вопросы, что непонятно.

– В группе уже есть люди?

– Да, двое, с Вами трое. Лейтенант Чобану Игорь Валерьевич, двадцать три года, работает в школе, где учатся Руснаков и Васильева, заведующим учебной частью и учителем физической культуры. Очень умный человек, закончил педагогический институт с полным красным дипломом, без единой четверки. В совершенстве владеет двумя языками, без учёта русского и молдавского. Хороший спортсмен, первый разряд по баскетболу. Вторым сотрудником планируется некто Яблонская Вера Петровна, восемнадцать лет, в феврале будет девятнадцать.

Молодая совсем девчонка, сейчас в Ленинграде на комитетских спецкурсах обучения, закончила педагогическое училище, тоже с красным дипломом. Спортсменка, мастер спорта по спортивной гимнастике, правда бывший, бросила спорт из-за травмы. Пока не в органах, будет предложено поступить на службу после окончания курсов.

– Может её в штат не вводить, провести как секретного сотрудника?

– Нет, ни в коем случае. Мы присваиваем ей звание старшего сержанта, и она официально будет работать психологом в школе, в рамках эксперимента по выявлению талантливых детей и работе с ними. Мы думаем, появление в одной школе двух вундеркиндов возможно не случайно. И здесь ещё момент, – тут Четвертко откровенно замялся, и даже намеренно отвлекся, глядя в окно на спящих по веткам воробьев.

– Да, момент, – вздохнул Пётр Владимирович, и щелчком пальца, как заправский фокусник, выбросил по столу, в сторону капитана, фотографию. Перекувыркнувшись раз она спланировала прямо перед Новосёловым лицевой стороной.

– Это Яблонская. Вера Петровна.

Новосёлов смотрел на необычайной красоты девушку. Фотограф очень метко поймал её ракурс в движении. Девушка в пол оборота к кому-то обернулась, и искренне, всем лицом улыбалась, даже глазами. При этом с фотографии сквозило противоречием, глаза не улыбались вместе с лицом, они смеялись своей обворожительной улыбкой. Есть люди, от которых свет исходит, чьи-то стихи пришли Новосёлову на память. Он всматривался в фотографию, разглядывая лицо девушки, а оно манило, призывно тянуло за собой. Манило тайной, словно затягивая туда, где эта тайна будет открыта. Девушка светилась радостью и счастьем. Следующей его мыслью было, что само её присутствие делает людей чище, добрее, светлее. Нельзя, находясь рядом с такой красотой, оставаться серым и унылым.

– Очень красивая девушка, – всё не мог отвести глаз Новосёлов.

– Да, красивая. Может даже самая красивая в Молдавии, или вообще в Союзе. Смотрите не влюбитесь, капитан. А вот это, – он метнул вторую фотографию, – А вот это наш главный герой – Руснаков Фёдор Александрович. В феврале исполнится девять лет. Данных по нему пока немного, соберёте всё, что можно. Абсолютно всё, досконально, до мельчайших подробностей.

– Так точно товарищ полковник, – Новосёлов разглядывал фотографию Руснакова, не находя в нём ничего примечательного, мальчишка, как мальчишка, таких в стране миллионы.

– Вы не обманитесь товарищ капитан. Несмотря на кажущуюся ничем не примечательную внешность, парень, при общении с ним, буквально очаровывает.

– Понимаю товарищ полковник, встречался с таким, – Новосёлов продолжал рассматривать фото Руснакова, пытаясь по портрету составить первое впечатление.

– А вот теперь тот самый момент, – полковник вздохнул, словно собираясь нырнуть в холодную воду, и на выдохе произнес, – Руснаков влюблён в Яблонскую, и она похоже отвечает ему взаимностью.

– Но товарищ полковник, – Новосёлову становится смешно, он невольно чуть не усмехается – Как такое возможно, ему девять, ей девятнадцать. Он ребенок, она взрослая девушка. Здесь же и физиология, и психология, и разный уровень текущего интеллекта, мышления, восприятия.

– Как возможно говорите? Вот, возьмите, – полковник пододвинул по столу три тоненьких картонных папочки. – Капитан Савельев, ваш предшественник передаёт. Всё, что успел наработать за две недели. Расписку о получении лично мне. Хранить в сейфе, в кабинете. Ну не мне Вас учить. Три досье на ваших ребят. А вот на это прямо сейчас взгляните, – он протянул небольшую пачку чёрно белых фотографий пятнадцать на двадцать.

Новосёлову пришлось встать, подойти к полковнику, взять из его руки фотографии. Прощёл назад на своё место. Сел, начал разглядывать. Вот стоит всё та же, красивая до умопомрачения, девушка. Девушка кукла, девушка сказка. Девушка, за которой каждый мужчина пойдёт на край света. Головка чуть набок, взгляд задумчиво устремлён вдаль. Перед ней на коленях мальчишка, голова опущена, руки как плети висят вдоль туловища, плечи ссутулены и сторблены. Красивая фотография.

Он взял следующую, то же место, но уже оба на коленях. Держатся за руки, взгляды устремлены друг на друга, есть в них что-то неестественное, не от этого мира. Одинаковое выражение полной самоотдачи в руки другого, желание отдать всё что есть, вплоть до самой жизни. Новосёлов почувствовал, как по спине, от лопаток вниз по позвоночнику, стал спускаться, с покалыванием иголочками, холодок. Да они же не могут друг без друга.

Следующая фотография. Вокзал, кажется кишинёвский, отходящий поезд. Теперь уже девушка стоит, словно промокшая под холодным дождем, с опущенными плечами и понурой головой. Парень сосредоточен, выражение лица, как перед решительным броском, губы сжаты, лицо напряжено. Смотрит на неё поедающими глазами.

Он спешно сунул фотографию под низ, стал рассматривать следующую. Фотография сделана снизу, из подвала здания что ли? Тот же вокзал, девушка, слегка согнувшись, целуется с парнем. Его лица не видно, но девушка! Глаза закрыты, лицо спокойно и умиротворённо, так случается, когда человек достигает своей цели после трудного рабочего дня, после долгого ожидания или тяжёлой работы. Цель достигнута, но нет сил радоваться, просто отдаёшься ощущению радости от достигнутого.

Он убирает фотографию, и переходит к последней. Наконец видит лицо мальчишка полностью. Тот стоит на коленях и взглядом провожает поезд. На его лице невыразимая боль потери. Каждая чёрточка передает простое и понятное любому человеку чувство. Боль. Ему очень больно. Глаза изливают океан боли, лицо является средоточием боли. Безсильно повернутые ладонями к небу руки, лежащие на коленях, вызывают высшие силы о милосердии. Новосёлову кажется, что ему самому становится больно.

Он нервно и быстро ложит фотографии на стол, чуть не бросает. Он потрясён, у него нет слов. Он не может выразить то, что пережил. То, за грань чего заглянул. Новосёлов смотрит на полковника.

– Ну как? Впечатляет?

– Такое никакие артисты не сыграют, – голос у капитана заскрипел, и он от неожиданности прерывается на полуслове.

– Вот наша с тобою задача капитан, не разрушить эту Любовь, сохранить её, понимаешь? Если они, с разницей в десять лет, полюбили друг друга, мы должны помочь им сберечь это чувство, ибо на сегодня это самая величайшая тайна на Земле...

Чёрный был очень и очень недоволен. Несмотря на то, что его эмоции умерли много тысяч лет назад, и он не впадал в гнев или ярость, как новоиспечённые бледные, он знал – он недоволен. Нет, он не придумывал для тёмного наказания, зачем, и так понятно, тёмный будет наказан, хоть и не виноват. Но мысль всё равно глодала его, а мог ли тёмный сыграть на опережение, предугадать? И сам себе отвечал, – вряд ли. Даже он, Чёрный, один из двенадцати Низших не смог бы это сделать. Мелькал даже греховный помысел, а мог ли сам Сияющий это предвидеть? И Чёрный боялся отвечать на этот вопрос, выгоняя помысел силой из своего сознания.

Мигнули охранные черепа, кованые двери отворились, и показался тёмный. Он еще не заслужил собственного имени, но был очень талантлив, делал очевидные успехи, подавал большие надежды. Миллионы падших, благодаря его усилиям, заполняли нисходящие миры, и он нравился Чёрному. Раньше нравился. Но вот что он скажет теперь, очень занятно посмотреть, как будет пытаться выкручиваться из своего полного провала. Провала, которого девятый сектор его зоны ответственности преисподней не знал уже несколько десятков лет, исправно поставляя души грешников Сияющему.

И вот ЧП. Вспышка от соединения душ двух недоумков была столь яркой, что на миг осветила даже безконечные темницы Сияющего, доставив радость и надежду на спасение миллиардам падших. Встряхнув Чёрных, посеяв сомнения в тёмных, серых, бледных. Как такое могло вообще произойти?

Но тёмный его удивил, если это применимо к нему, Чёрному, властителю одной двенадцатой зеркального отражения мира. Тёмный не впёрся в зеркальную ложу на карачках, на четырёх костях, как это он делал обычно, припевая при этом – Люцифер, помилуй. Нет. Он избрал другую технику передвижения. И надо признать угодил Чёрному.

Еще за дверями зала он пал ниц, распластавшись ползучим гадом, и теперь полз извиваясь, как червь. Как ему удаётся, подумал Чёрный, да ещё так быстро, словно бежит. На спине меч, длинный, узкий, сверкает в огоньках свечей двумя гранями. На чём интересно держится, тёмный явно повышает уровень мастерства самообразованием, и как красиво, и как умно. Вот меч, отсеки мне что хочешь Чёрный, я признаю свою вину. Мастер, ничего не скажешь. Но вот дополз, послушаем, что скажет в своё оправдание.

– Я виновен.

В зале стояла тишина, даже кандидаты в бледные перестали дышать, держа стены залы на своих плечах без гримас и содроганий. Слышен был только треск свечей из сухожилий грешников, да его, Чёрного мысли. Ну это для него конечно, и для Светлейшего. Но тёмный молчит. Он что хочет добиться слова от него, Чёрного? Это он зря. Ведь слово было от Него, и он, Чёрный, старается не говорить словами. Разве только матерщиной. Если в этом есть крайняя

необходимость. И не то, чтобы не может, но каждое обычное слово вызывает в нём сильную боль. Интересно, Сияющему также больно, когда он говорит? Наверно да, слишком уж он молчалив. Чёрный опять испугался своей мысли и засунул её в самый дальний угол. Ну. Подождем.

Наконец до тёмного дошло, что молчание может быть долгим, очень долгим.

– Накажи меня, Чёрный, я виноват, – морщась от пересылаемой от Чёрного боли, наконец закончил свою мысль тёмный.

Чёрный молча взирал на него. Нет, безусловно тёмный талантлив. Он уже расставил свои сети, и Чёрный попал бы в них, если бы не одно но. Он не хотел его наказывать, и сети так и останутся стоять пустыми. Интересно, тёмный об этом догадается, или подумает, что перехитрил его? Однако голову так и не поднимает, в глаза не смотрит, руки вытянуты вдоль тела, к хвосту. Образчик тёмного, ни дать, ни взять. Ладно, проявим свою милость.

Чёрный медленно повёл открытой рукой кверху, и сразу зал облегченно вздохнул, наказа не будет, никто не будет обречён на дополнительные мучения. Вот это они зря, мучений не будет лишь для тёмного, ограничимся текущими муками, а для остальных будем посмотреть. Зато тёмный уловил жест и поднялся на колени.

– Повелитель, не было никаких предпосылок, я ничего не чувствовал. Никто не сигнализировал. Мы даже смогли нанести несколько сильных ударов, и в одном из них достигли серьёзного успеха, захватив на миг под контроль души матери и сына. Но они сплотились и обратились за помощью к Марии Египетской, этой без минуты падшей, сумевшей за миг до падения ускользнуть в соработники высших миров. Шла обычная рутинная работа, все бледные и серые работали в штатном режиме, и вдруг, вспышка и поток света. Никто ничего не понял.

Тёмный склонил голову ниже, хотя куда уж. Меч исчез, превратился в обнажённую белокурую красавицу с испуганными глазами. Чёрный усмехнулся, вот и есть чем вечером заняться. Или кем? Как их сейчас называть?

– Это пришло из высших миров? – каждое слово давалось Чёрному с невероятными мучениями.

– Не знаю, это произошло очень быстро, мгновенно. Мы не успели отработать и ничего противопоставить. Они встретились первого сентября, небольшой всплеск, мы даже внимания не обратили, их на каждый день десятки тысяч. И так сочилось понемногу каждый день. Высветы терялись в тысячах других человеческих симпатий, и вдруг, такая вспышка. Я потерял всех бледных. Всех, что наработывал тысячу лет, со времён Крещения. Серые ошеломлены и деморализованы, они боятся высшей силы, боятся работать. Я ничего не понимаю, эти двое, они не должны были встречаться, а если и встретиться, то не обратить внимания друг на друга, а если и обратить, то чисто как учитель – ученик. Но кто ж знал, что так получится. Это противоречит всему установленному, самим законам бытия, – тут тёмный осекся, поняв, что полез не туда, и глядя на Чёрного сжался в комок.

Чёрный чуть вздёрнул подбородок, показывая, что ждет продолжения. Виновен, не виновен, но раз допустил родиться столь огромному чувству, будь зол, – исправляйся.

– Мне тяжело без серых, но я справлюсь. Буду пытаться их реанимировать. Обработать низходящих кандидатов в бледные. Подготовил несколько возможных вариантов развития событий. Дело усложняется тем, что он молод, ещё совсем дитя, и его молитвы очень восприимчивы. Кроме того, там сложилась целая община, они пытаются объединиться. Нашли себе службу, ещё с большой войны на него глаз точку. Но это и их слабость, дёрну кого из общины, и они начнут разваливаться. А его молодость, это не только его сильная сторона, но и слабая. Они хотят создать семью, это смешно. Когда настанет необходимость исполнять супружеский долг, он просто не сможет ничего сделать, ничего. И всё. Без общения плоти она умрет, она сохнет, как собака, ихняя хваленая человеческая Любовь.

Чёрный отреагировала на это ненавистное слово мгновенно. Луч фиолета молнией разрезал брюхо тёмного, словно молекулярным скальпелем вскрыл утробу неосторожно упомянувшего самое мерзкое слово в падших мирах. Из желудка стали выпадать части абортированных младенцев: ручки, ножки, головки. Некоторые ещё шевелились, глазки моргали, рты открывались в беззвучном плаче. Красота конечно, но он всё-таки тупой, этот тёмный. Мало того, что бросается такими словами на приёме у него, повелителя двенадцатой, так ещё и наглотался как удав. Чёрный заглянул в мозг тёмного, нет, это он консервами ужрался. Да у него в морозилке несколько вёдер со свежими эмбрионами. Напрямую из абортариев заказывает. Канал поставки наладил прямо с поверхности. Любитель свежатинки. Всё равно не дело, всё равно тупой.

Чёрный понаслаждался мучениями тёмного, стало легче. После таких слов поварить бы его на медленном огне недельку для вразумления, но ладно, дело не ждёт. На ум запишем, и не подниматься тебе тёмный, никогда не подниматься. Скорее наоборот, опустишься до серого. Проколотся ты. Хотя дадим тебе шанс. Сможешь справиться с этими двумя, останешься здесь, нет – полезешь в серые. Чёрный провел двумя руками круговой пасс, утроба восстановилась, швы затянулись. Тёмный с удивлением и страхом смотрел на Чёрного.

Чёрный, потеряв к тому интерес, резко взмахнул от себя рукою, показывая, что приём закончен, и встал, шагнул к трепещущей от ужаса красавице...

– Сэр? Вызывали?

– Проходите, проходите, – генерал Сандерс устало махнул на древний стул, и вновь уткнулся в бумаги перед собой.

Полковник Хейз попытался принять на стуле удобное положение, но тщётно, стул слишком мал для его двухсот десяти фунтов чистейшего американского мяса. Давно пора обновить его на новый, более мягкий и удобный. И он уже знал, как только станет хозяином этого кабинета заменит всё, вплоть до покрытий стен. Обдерёт раздражающую краску, цвета детских неадекватных решений, заменит её на новые, только появившиеся на складе клеящиеся обои пастельных тонов. Уберёт стулья, ровесники Рузвельта, на их место уже подобрал удобные с мягкой сидухой и высокой спинкой. Заменит стол, этот огрызок, реквизированный из гангстерского подпольного казино притона времён тридцатых, и привезенный Сандерсом четверть века назад. И кресло для себя. Он даже ещё не выбрал какое именно кресло поставит в работу под свою широкую задницу.

Время шло, а генерал не обращал на Хейза никакого внимания, всецело отдавшись изучению вороха бумажек, разбросанных по столу. Наконец он, нелегко вздохнув, собрал бумаги во единую кипу, сложил их в папочку, и сдвинув на край стола уставился на Хейза.

– Скажите Хейз, в чем главная обязанность нашего управления?

– Сэр? – не понял полковник.

– В чём наша обязанность, для чего мы существуем? – чуть не дословно повторился генерал.

– Сбор, обработка, оценка информации за пределами государства, осуществление помощи президенту и правительству в принятии решений, связанных с национальной безопасностью Соединенных Штатов, сэр, – как по заведенному отбарабанил Хейз.

– Правильно. Знаете. Тогда скажите мне, дорогой полковник, какого хера я, начальник Регионального Управления по СССР и Восточной Европе, получаю такие записки от коллег с другого конца света. Какого хера? – генерал в считанные секунды рассвирепел, и бросил в полковника стопку скреплённых бумаг.

Полковник еле успел поймать норовившую пролететь рядом с локтем стопку, и замер с ней в руке, не смея пошевелиться. Нет, при желании он мог бы от генерала оставить отбивную, но нельзя. Ему самому в генералы лезть надо, и Сандерс в этом играет далеко не последнюю роль. Тем более, что и знакомы они уже почитай сорок лет, с его, Хейза, рождения. Крёстный отец, мать его. Но всё же, что случилось, если Сандерс, обычно спокойный, так завелся?

– Читайте полковник. Про себя.

Сандерс вытянув ноги, откинулся на кресле и закрыл глаза, а полковник Хейз с интересом начал читать рекомендованное шефом. По мере того, как прочитанное доходило до его мозгов, ему становилось всё более неуютно и безпокойно. Наконец он, прочитав листки осторожно сложил их на ближний к себе край стола. Кашлянул. Генерал тут же пришёл в себя, перевёлся из полулежачего положения в сидячее.

– Прошло уже два месяца, вы понимаете, два месяца, а мы ничего не знаем. Вопрос почему? За что вам платят деньги? За то, чтобы мы получали информацию о России от коллег из Японии, да?

– Но сэр, я как раз и шёл к Вам с информацией по данному вопросу, – попытался оправдаться полковник, и в свою очередь протягивая генералу небольших размеров папочку.

– Вот как? Ну давайте сюда, а пока рассказывайте.

– Собственно рассказывать нечего сэр, всё изложено в докладной, и подшито в папочке, – а вот сейчас Хейз мелко мстил за испуг, оставив козыри под конец. – Тем более и коллеги из Японии постарались.

Генерал листал документы, – Хейз! извиняться всё равно не буду, хотя вижу поработали неплохо. Но я жду.

Хейзу пришлось вкратце пересказать докладную записку, стараясь не лезть глубоко в дело.

– За последнее время, сроком около двух лет, в партийные и советские органы СССР начали поступать сигналы о выявлении, в школах Советской России, особо одарённых детей. Вначале этому не уделялось должного внимания, но, когда количество перевалило за двадцать, при ЦК партии была создана особая комиссия по расследованию данных случаев.

– Когда?

– Год назад, в октябре семьдесят второго.

– И мы до сих пор ничего не знали?

– Почему? Мы узнали об этом уже через две недели, но особого внимания не предали. Хотя в разработку взяли, резидентуре были направлены указания о фиксации любой информации на данные темы. Я Вам докладывал, – Хейз заглянул в свой ежедневник, – четвертого декабря.

– Да, я помню, – Сандерс недовольно сморщился. Тогда он готовился к отъезду в Штаты, на рождественские каникулы, и ему было не до того чтобы выслушивать какой-то бред об особо талантливых детях из России. Хорошо, хоть не отмахнулся, а поставил задачу дальнейшего сбора информации.

– Второй доклад был проведен совсем недавно, четвертого июня – Хейз опять заглянул в толстый ежедневник, – Вы дали задачу дальнейшего сбора информации и доклада через четыре месяца. И вот я принес очередной, третий доклад на эту тему.

Выкрутился, подлый ниггер, мало того, на него хочет вину переложить. Вины пока ещё нет никакой, но тему нужно срочно работать, пока до шефа инфы не долетела, подумал Сандерс.

Он закинул ногу за ногу, выражая полное внимание и вытянул голову вперед, – Продолжайте.

– На сегодняшний день ситуация такова. При Республиканских Комитетах Госбезопасности созданы специальные отделы и группы специального назначения по работе с детьми. Цель - выявление, помощь, защита и продвижение сверходаренных детей. Когда-то, ещё при Сталине, Советы делали подобную попытку, заниматься этим делом начинал лично Берия. Однако с убийством Сталина и Берии, начинание заглохло, новое руководство не придало делу должного значения и свернуло финансирование и все работы. Результаты предыдущей работы неизвестны, вся информация была уничтожена в секретном режиме по личному указанию Никиты Сергеевича.

Хейз усмехнулся и глубоко, как будто с сожалением вздохнул, что не укрылось от пристального внимания Сандерса. Тот передёрнул плечами.

– Вы говорите об этом с такой грустью, да ещё и вздыхаете, что не знай я Вас с рождения, подумал бы о вашем сочувствии Советам.

– Вздыхаю по поводу того, что и в нашей стране никакой светлой голове не пришло в голову заняться умными детишками, а ведь после смерти Сталина прошло немало как двадцать лет. И вот коммуняки опять востепенелись и принялись за детей, а мы всё спим.

– Не звоночек ли это к тому, что к власти в России опять рвутся национал патриоты, и курс на сглаживание противоречий с нами русские свернут, как Вы считаете, Хейз?

– Сэр, я задумывался над этим, внимательно изучил, можно сказать пропустил через себя события последних лет, и пришел к такому же выводу. Определенной части партийной и советской элиты, а также генералитету безопасности и армии курс на сотрудничество с нами очень не нравится. Сам тезис о взаимном мирном сосуществовании двух разных по духу социумов им претит. Они готовы его изменить вплоть до вооруженного конфликта. Почти все они прошли войну и стесняться в методах не будут. Но это крайний случай. Желая не допустить столь драматической развязки, в этом плане, их интерес к сверходаренным детям вполне резонен. Именно в их среде они и будут искать будущих руководителей государства.

– Умных, честных, безкорыстных, не так ли Хейз? – генерал Сандерс ухватил глубинный смысл проводимых Советами действий.

– Именно так сэр. Отсюда секретные заседания Политбюро, ажиотаж в ЦК и Совете Министров, и потом по нисходящей: комитетчики, минобразования, здравоохранение, спортивные органы. Поняв, что голова загнивает, вся колоссальная советская машина закрутилась, пытаюсь выжить, и через пятнадцать – двадцать лет она даст результаты. Нынешние детишки придут во власть. Убежденными, молодыми, полными сил, и нам их будет не взять. Ни долларом, ни женщинами, ни другими ценностями свободного демократического мира.

– Мы не дадим им этих двадцати лет. Подготовьте доклад от моего имени на начальника управления. Срок семь дней. Более чем достаточно. И давайте назовём их как-то знаково, а то что мы всё: сверходарённые, сверхталантливые.

– Есть наметочка и на это, давайте назовем их детьми Индиго. Это разновидность цвета между темно – синим и фиолетовым. Дети ни того, ни другого. Иные дети. Как этот цвет. Вот посмотрите, очень красивый цвет, – Хейз протянул лист бумаги с цветовой гаммой.

Генерал Сандерс некоторое время разглядывал цвета фиолетовой радуги, то приближая, то удаляя от себя листок, – Да, очень красивый цвет, как-то раньше не обращал на него внимания. Значит пусть так и будет. Дети Индиго, операция Индиго. Прекрасное название...

Половина самой величайшей тайны на Земле высыпала ведро винограда в бункер: – Евгения Юрьевна, запишите, у меня сорок.

Следом подошел Василий, – Евгения Юрьевна, у меня тридцать шесть, а сколько у Феди?

– У него сорок, только что высыпал сороковое. Может пообедаете? Уже двенадцать тридцать, ребята садятся, всё равно все бункера полные, высыпать пока некуда. Сейчас погрузчики с машинами пройдут, и после обеда продолжим. Киздыркин сказал дальше по ходу двигаться, ещё по ряду брать.

– Так ведь таскать далеко будет, это через весь ряд ведро полное тащить. Что нельзя бункера на одну клеть перекинуть? – возмутился Василий.

Евгения Юрьевна молча пожала плечами, а Васька в отчаянии сплюнул, – Придётся таскать.

– Евгения Юрьевна, у меня тридцать второе, – отчиталась подошедшая Галя.

– Записала, кушать не хочешь, Галь? Весь класс сел, не смогли вас дождаться.

– Хочу, пойдёмте с нами?

– Нет, Галя, давайте завтра, сегодня мы с Вероникой Васильевной договорились, четвёртый "А" в верхней клети с утра поставили. Давай завтра? Хорошо?

– Хорошо, давайте завтра, – ни капли не обиделась Галя, и повернувшись к Васе с Федей спросила уже у них: – Может вы с нами? Давайте вместе?

Васька замялся: – Я обед сегодня забыл, оставил на окне.

– Ну и ладно, завтра двойной принесёшь, пойдём, вон и Инна подходит.

– Инна, пойдём обедать, ребята сами сели, зато Вася с Фёдором согласились вместе с нами трапезничать, вот как.

– Аб-бал-деть, какое счастье, у тебя сколько?

– Тридцать два, а у тебя?

– У меня тридцать, опять от тебя отстаю.

– Не расстраивайся, в субботу меня на три ведра обогнала, подумаешь.

– Ладно, пошли нямать, нам в субботу посылка с Камчатки пришла полная красной рыбы, я как чувствовала, четыре кусочка взяла. Толстые, жирные. Запах – закачаешься.

Кушали все вместе. Фёдор вытащил традиционный сыр, слегка подтаявшее сливочное масло в майонезной баночке, помидоры, варёную маленькую картошку. Галя достала четыре небольших булочки, четыре рыбных котлеты, бутылку Буратино. Инна развернула свёрток вощёной бумаги, в нем лежала треть огромной кеты, порезанная на четыре огромных ломтя. Васька ничего не вытащил, но облизывался как кот на сметану. Фёдор перекрестился, глядя на него перекрестилась и Галина, за ней и остальные. Пир начался. Ели быстро, легонько перешучиваясь, Фёдор удивлялся добродушности обеда, никаких подшкурных подколов, сальных намеков, всё чисто по-дружески. Поев, и перекинувшись парой слов, задремали, дожидаясь, пока высыпят бункера с виноградом. Хорошо то как.

Но всё хорошее кончается, рано или поздно, и четверть часа спустя девчонки захотели по своим малым девичьим делам.

Федь, Вась, посмотрите, чтобы никто в посадку не пошел, мы с Инной на минуточку сбегаем, – попросила Галя.

– Да не вопрос, посмотрим, а что так жёстко, идите спокойно, кому что надо? – удивился Фёдор.

– Да Колька Гриб третий день преследует, подглядывает. Покоя нет от него.

– Он что, больной? Вауейрист хренов. Что раньше молчали? – Фёдор такую дрянь особо недолюбливал.

– Вауейрист, – спотыкаясь повторила Инна, – Это что, зверь такой?

– Нет, это тот, кто подглядывает за маленькими девочками, – объяснила Галя.

– И за большими тоже, – проворчал Фёдор, – Так что молчали?

– Неудобно было, он ведь только за мной с Инной подглядывает, словно не случайно на нас выбор остановил.

– Я ему устрою выбор, идите спокойно.

Девочки пошли в посадку, а Фёдор с Васей, с чувством правильно выполняемого поступка уселись друг против друга.

– Я, наверное, на завтра, после обеда отпрошусь, – сообщил Фёдор.

– Чего так, дела какие?

– Дрова привезут, уже договорился.

– Дорого?

– Да нет, совсем не дорого...

На солнышке разговор не клеился, буквально через минуту Фёдор почувствовал, что опять засыпает, как вдруг из посадки, куда девчонки направились, раздался душераздирающий, ни на что не похожий, то ли хрип, то ли крик. Следом вопли и визги девчонок. Ребята подскочили, бросились в посадку. Боком просквозила тень. Колька Гриб, мелькнуло у Фёдора. Он сразу развернулся в его сторону, стал догонять, за ним Василий, отстаёт потихоньку.

– Стой гадёныш. Всё равно догоню.

Гриб остановился, развернулся, принял боевую стойку, как он её видел в своих боевых иллюзиях. Ноги расставлены широко, руки согнуты в локтях, прижаты к голове. Боксёр хренов. Ну на, держи. Фёдор с разгона прыгнул, и правой ногой ударил в грудь, в солнышко.

Гриб хрюкнул как поросёнок, от удара его откинуло назад на бетонный шпалер виноградника, глаза выпучились, словно их изнутри подавили, лицо покраснело.

– Ты чё, Фёдор, я те чё сделал? – захрипел он контуженным голосом.

– Ещё раз узнаю, что за девчонками подглядываешь побью очень сильно, понял?

– Да не подглядывал я, сам в туалет ходил, чё ты гонишь? – Гриб испуганно прижал руки к груди, настороженно поглядывая на Фёдора.

Фёдор подошёл, ощупал ребра, переломов нет, всё-таки удар у него слабый, ещё мальчишеский. Но это надо прекращать, совсем себя перестал контролировать, рано или поздно кому-то что-то сломаю.

– А что бежал тогда? – сразу поверил ему Фёдор.

– Крик слышал? А потом девчонки завизжали как недорезанные, ну я и испугался, побежал, мало ли что там.

– Так ты ещё и трус?

Фёдор развернулся и побежал к посадке, откуда кричали девочки. Васька опять за ним. Подбегают, из посадки уже Галя с Инной выходят, смущённые, раскрасневшиеся.

– Что кричали? – одновременно спросили друзья.

Девочки стоят, переминаются с ноги на ногу, отвечать не торопятся, друг на друга поглядывают. Явно косячнули в чём то, признаваться не спешат, стыдно.

– Долго молчать будете? Рассказывайте, что случилось?

Инна только кажется бойкой, признаваться не спешит, трусиха ещё та, а вот Галя, посмелее девочка, решилась.

– Мы в кустики зашли, сразу внимания не обратили, а потом как приготовились, в кустах страшно как зашуршит что-то, я шаг в сторону, наступила на что-то, оно как заверещит, мы с Инной испугались, закричали.

Галя замолкла, переводя взгляд с Фёдора на Василия. Инна вообще взор отвела в сторону, старается не смотреть на приятелей.

– Что дальше было? – не отцепляется Фёдор.

– Дальше? – Галя невинно смотрела в глаза Фёдору, – Дальше ёжик был.

До Фёдора медленно приходило понимание ситуации. В посадке поселился ёж, может ежика с ежатами. Девчонки нарушив их покой скорее всего на одного из них или наступили, или сильно напугали. Тот, или другой, в ответ и заблажил, может больно стало, может испугался.

Фёдор представил себе девочек со спущенным исподним, тот самый душераздирающий пискохрип ежа, перепуг и крик девчонок в ответ, и засмеялся. За ним засмеялась Галя, потом Инна, и, самым последним, ничего не понимающий Василий.

– Федь, вы только не рассказывайте никому, засмеют ребята.

– Ну что ты Галь, могила, вы сами сочиняйте, как и что было.

Где-то вдали, сжав кулаки и с ненавистью посматривая на них, стоял Колька Гриб. Колька не смеялся.

Глава 7. 1973. Второе октября. Всё не так как надо. Фёдор

У колодца, на каменной выдолбленной колоде для питья скотины, мальчишки цыганята играли в орлянку. Несмотря на похолодание, одеты ребята были легко, но чисто и опрятно. Гвалт, заглушавший звон монет, стоял на всю улицу, периодически переходя в крики и отчаянное выяснение отношений, чуть не до потасовки. Но конфликты в зародыше умело гасил паренёк поплотнее и на голову выше остальных. Старших урезонивая и объясняя, младшим развешивая несильные подзатыльники. Ситуация, однако всё равно нет нет, но взрывалась до крайности, игра была азартной, а на кону стояли деньги, небольшие для взрослых, но существенные для детишек.

– Валерык, смотри. Чувачок бежит, совсем маленький, – с ударением на Ы, но на чистом русском сообщил старшему невысокий цыганёнок, показывая рукой на грунтовую дорогу, ведущую от трассы.

Валерий привстал с корточек, взглянул в указанном направлении. По дорожке напрямик к ним бежал парнишка в спортивных штанах и старом свитерке. На голове потешная шапка с бумбоном.

– Эээ, не знаю такого, не с нашей школы, надо познакомиться, прессинг оказать, может у него деньги есть. – Валерка усмехнулся, – Лишние.

Толпа весело рассмеялась. Работать гоп стопом на маленьких, и не только на маленьких прохожих было любимым занятием небольшой, но уже крепко сложившейся группы. Главное не бить, а обступив со всех сторон и психологически довлея, культурно предложить поделиться. Все делились, ну или почти все. Мало кто мог устоять против жёсткого психологического прессинга небольшой, но сплоченной ватаги цыганят.

– Прессинг, – подвигал скулами Валерка, перекатывая слово во рту словно фруктово – ягодную карамель. Чудное слово, но Валерке оно нравилось. Он чувствовал его силу и неудержимую мощь, его напор и агрессию, его ступок выплескивающей на противника энергии. Новое для себя слово он узнал сегодня, из книжки про бокс, и теперь наслаждался им, вставляя его в речь к месту и не к месту.

Главное – не бить, это знал каждый, даже самый маленький. А то придет Степаныч, местный участковый, и Роману наябедничает. А у того спрос простой, немецкий ремень с надписью Gott mit uns, висящий на стене у входа в дом. Какой там бог был с немцами Валерка не ведал, но его кожа, чуть пониже спины, ещё в ребячестве, пару раз тесно взаимодействовала с кожей

ремня. Воспоминания самые тяжёлые в жизни. Бил Януш, помощник барона, бил больно, и продолжать знакомство с неведомым немецким богом Валерка не имел ни малейшего желания. Били не за то, что отбирали силой, а за то, что не смогли заставить поделиться последним без применения силы. Правда Валерке летом исполнилось двенадцать, он считался взрослым и бить его уже не будут, но баронский гнев может быть безграничным, и не ограничиваться одним ремнём.

– Сашко, Тогар, посмотрите, что за мешок с навозом, – негромко отдал приказание Валера.

Двое среднерослых ребят с ленцой поднялись, и вразвалочку, руки в брюки, заступили проезжую часть. Остальные притихли, с нетерпением ожидая начала развлечения. Веселиться цыганята умели и любили...

Фёдор бежал по дороге, времени уйма, а он никуда не торопился. До обеда успел собрать сорок пять ведер, почти полностью вымотавшись, а после обеда классная отпустила; и он спешил к маме Веры, в их дом, в ожидании письма от Веры. Хорошо, как. Немного похолодало, темп бега задан небыстрый, больше разминочный. Фёдор даже не вспотел, хотя отмахал уже двушку как минимум. Впереди, у колодца показалась группа мальчишек, чем-то крайне увлечённых. Но вот заметили его, сразу произошло размежевание, двое закопёршиков выдвинулись на дорогу, остальные все во внимании, как зрители на гладиаторских боях. Значит будут прессовать, дураком полным надо быть, чтобы не предположить такой ход развития событий.

Фёдор подсобрался, проверил в кармане перочинный ножичек, в другом увесистую гайку, в аккурат лежащую в ладошку. Крепко задумался. Почему у всех остальных нормальная жизнь, без драк, без скандалов, а у него? Не проходит и недели без драки или иного столкновения. Сколько их произошло с его появления здесь? Да с десятков, пожалуй. Случайно это или нет? Тяжело сказать. Может и не случайно. После переноса Фёдор стал крепко верующим, и знал не только о Боге, Высших силах, но и был уверен в существовании нисходящих миров, и сущностей, в них обитающих. Тут он вспомнил о Молитве задержания. Вот же блин, совсем забыл. Нужно взять благословение и читать всем вместе, в одно время, как акафист. Но вообще интересно, неужели тангалашки думают свернуть и сломать его такими стычками? Или, увидев, что у них ничего не получается предпримут что посерьёзнее? А может они вообще не смеют соваться в его жизнь, всё-таки его благословил сам праведный Феодор Ушаков. Или они не причём, и он всё выдумывает? Ладно, разберёмся.

– Мужчина, дорогой, остановись на пол человечка, куда так торопишься? Не видишь, мы тебя ждём с нетерпением?

Речь лилась, как по написанному классиком, основателем цыганской литературы. А что, есть такая? Фёдор удивился мыслям, но останавливаться не собирался. Их человек пятнадцать, он один, к чему ему разговор. Ему оно надо? Нет не надо. Он прибавил хода и пошёл на прорыв. Двое от неожиданности расступились.

– Эй слышишь, тут наша дорога, надо платить всем, кто здесь ходит. Куда бежишь, стой тебе говорят.

Куда там, Фёдор мчался во всю прыть. А что? Отступать под натиском превосходящего противника не запахло, хуже быть битым или мёртвым. Мимо пролетел камень, потом ещё

один. Не утерпели значить. Сзади слышались крики. Фёдор оглянулся, его никто не догонял, но град камней, большей частью не долетавшей до середины, летел в его сторону. Но вот Фёдор, оглядываясь в пол оборота, замешкался, не успел уклониться и один несильно, уже на излёте, ткнул его в левую лопатку. Федя остановился, подобрал камень, побросал его из руки в руку, а потом запустил в столб, стоящий за бандой маленьких разбойников, прямо над колодцем. Камень угодил точно в середину, и упал под ноги самому высокому. Классно вышло, как в кино. Фёдор, показав смуглым мальчишкам общеизвестный мировой знак в виде среднего поднятого пальца побежал дальше. Сообразил позже, они этого знака ещё не знают. Ничего, теперь будут знать. А он опять прокололся. Конспиратор хренов...

Дома ждала мама Веры. Именно ждала, понял Фёдор сразу по тому, как искренне она обрадовалась, обняла его, с радостью вручая письмо.

– Мне тоже вчера пришло, интересно Вера пишет. У них, прямо школа настоящая, словно разведчиков за линию фронта готовят.

– А может так и есть? Не за линию фронта конечно, но готовят.

Анна Сергеевна промолчала, обдумывая слова Фёдора, вспоминая написанное Верой. Фёдор в свою очередь внимательно её рассматривал, находя знакомые Верины черты. Утонченный, совсем незаметно вздёрнутый носик, слегка пухлые губы, жёлто зеленые глаза. Они действительно похожи, значить вот какой будет Вера через тридцать лет.

– Думаешь это не просто курсы психологов?

– Уже почти уверен. Скорее всего курсы комитетчиков. Берут ребят, хорошо окончивших институты и техникумы, с уровнем развития много выше среднего, показывающих тенденцию к саморазвитию, самоанализу. А самое главное чистых нравственно и духовно, незаляпанных в грязи жизни. Три месяца промывки мозгов, в хорошем смысле слова, если у него есть такой, и вот, готово. Дёшево и глубоко, человек преданный государству и народу, некоей идее служения обществу и государству Российскому.

– Советскому Союзу ты хотел сказать?

– Нет, именно государству Российскому, думается ещё сталинская верхушка поняла всю нелепость провозглашения многонационального Союза. Основой даже такого государства всё равно являются русские, украинцы, белорусы, а суть все они русские, разведенные искусственно по национальным квартирам.

– А как же другие? Грузины, осетины, молдаване в конце концов.

– А кто их отменял? Все нации, связавшие свою судьбу с Россией остаются нациями, со своими самобытными культурой и историей, но при этом работают и обогащают великий русский народ.

– Это как? Ты хочешь сказать советский народ?

– Да нет же. Ни в коем случае. Именно русский народ, но при этом и сами несоизмеримо обогащаясь, в сравнении с тем, как если бы они жили обособленно. Есть такая история. На

одном из придворных балов зашел разговор о том, кто есть русские. О разговоре услышал государь Николай. Подойдя к группе присутствующих спросил, кажется французского маркиза о том, много ли русских в зале. Маркиз де Кюстин ответил, что все, кроме него и иностранных послов. Как Вы думаете, что ответил государь?

– Тяжело сказать, первый раз слышу эту историю.

– Государь ответил, что он ошибается. Чистых русских в зале было немного. Государь перечислил национальности присутствующих, кроме русских там были татары, шотландцы, немцы, грузины, финн, шведы, даже крещёные евреи. И вот все вместе они и есть русские, россияне.

– Интересная история, и тяжело не согласиться. Рокоссовский, Багратион, Барклай де Толли. И это только полководцы.

На улице послышался шум проезжающего автомобиля и сразу протяжный сигнал. Анна Сергеевна одернула занавески.

– Дрова привезли.

Рановато, ещё двух нет, письмо даже не успел прочитать, – недовольно буркнул Фёдор.

Быстро прошёл в Верину комнату, сунул письмо в её шкатулку, к уже двум лежащим. Перекрестил. Самое надёжное место на земле.

У забора стоял бортовой ЗИЛ, с самосвальным, цвета хаки, кузовом. Несколько аккуратно обрезанных стволов тополей слегка возвышалась над бортами. Стяжки не было. Но улаживали добротнo, по краям дерева потолще, в серёдку тонкомер. Получилось типа лодочки, одно дерево в зацеплении с другим, верхние на дороге не выпадут, нижние не дадут. Сегодняшние гаишники быстро бы штрафами закидали, а тут трава не расти, сами рабочие думают о безопасности. Другое время, другой подход, разная ответственность.

Фёдор распахнул ворота, прикинул навскидку, кубов восемь, не меньше.

– Во двор что ли заезжать? – крикнул кудрявый, загорелый водила Фёдору.

– Да, вот сюда давай, – показал Фёдор.

– У меня кузов только на правую сторону скидает, смотри там.

– Добро, давай тогда задом.

ЗИЛ развернулся, подал задом, въехал во двор. Фёдор убрал велосипед, махнул рукой, ещё раз показывая на место, куда высыпать. Высыпали. Нижние пара стволов застряли, пришлось повозиться. Водитель, Юрий, оказался парнем шустрым, видать проблему уже не разрешал. Отъехал вперёд на пару метров, отжал ломом нижний ствол, опять отъехал, оба сразу и съехали. Справились быстро. Федор протянул Юрику рубль.

– Спасибо. Следующую куда? Через час примерно, а потом ещё одну Володя сказал.

– Сегодня три машины значить будет?

– Получается три, – пожал плечом Юрий

– Хорошо, вторую сюда же, только вон в те ворота, – Фёдор показал кивком головы на ворота Сергея Абрамовича. – А третью на Одесскую, тут недалеко.

– Ладушки, погнал я, к пол третьего жди...

Вторую машину Фёдор перенаправил, высыпал у себя, прямо у коровника, надеясь за пару недель с ней расправиться. Хотя вряд ли. Найти бы бензопилу, а то Дружкой замаешься три машины пилать, семь потов сойдет. А потом ещё семь раз по семь.

Третья пришла как по расписанию, в пол часа четвёртого, разгрузили её во дворе у Сергея Абрамовича. Дед сунул в руку Юре трёшку. Вот так еврей подумалось Фёдору, он по рублю за машину дает, а дед Сергей три рубля не поскупился.

Водитель, до нельзя довольный, нагнулся к Фёдору, – Завтра ещё машину привезу, также, часа в три. Куда выгружать?

Фёдор немного растерялся, это получается машину деду Саше, а он и адреса не знает.

– Слушай, братан, я даже адреса не знаю, сегодня узнаю, деду оставлю, – Фёдор кивнул в сторону деда Сергея.

– Сергей Абрамович, я Вам адрес оставлю? Завтра Юра ещё машину тополей подвезет. Доедите с Юрой, выгрузите прямо у ворот?

– Назад завезешь? – дед обратился к водителю

– Да куда угодно.

– Тогда сделаем.

Фёдор протянул Юрию ещё три рубля, – Держи, это за завтрашний день.

– Не, не возьму, вы и так меня сегодня озолотили.

– Да бери, ты что?

– Тогда рупчик давай.

– Нет у меня рубля.

– Нет? На тогда сдачу, – Юрий забрал трёшку, отсчитал два рубля сдачи.

– Ну бывай, до завтра.

Самосвал, одарив на прощание столбом выхлопных газов, покатил к Свердлова, а Фёдор, проводив его взглядом и по привычке перекрестив, взглянул на деда.

Дед был явно рад, и не столько дровам, хотя они тоже нужны, сколько участием. Участием в делах, этакой нужностью людям, возможностью помочь. Похоже деду скучно. Один он. Если изредка Анна Сергеевна зайдёт, или Верочка. А так всё один да один. Даже внук и тот в Израиль смотался...

Успели с большим запасом. Перехватив у второй мамы с пяток бутербродов с сыром и колбасой, и поедая их на ходу, Фёдор взгромоздился на своего Школьника. Теперь в Геолого-разведку, к деду Саше. Однако там его ждал неожиданный ответ.

– Нет деда Саши, уехал он, – ответил здоровенный парень, выбивающий заднюю крестовину карданного вала, и даже не поднявший головы.

– Как уехал? Надолго?

– Да дня на три, до четверга не жди, это точно.

Перепаханный смазкой парень даже не обернулся к Фёдору лицом, продолжая попытки выбить крестовину. Не идёт, вэдэшкой бы spraysнуть, дать отмокнуть, подумал Фёдор.

– А Вы адрес не дадите? Мне домой к нему нужно.

– Чего? – мужик наконец поднял голову, и Фёдор увидел взлохмаченную шевелюру молодого плечистого парня. Под спецовкой голубыми полосками просвечивал тельник.

– А ну-ка чеши давай отсюда по Спасской, ишь ты, адрес ему подавай.

– Да мне правда очень нужно.

– Пошёл вон, кому говорю, быстро. Плохо слышишь?

Парень шагнул к Фёдору, схватил за плечо, сильно сжал. Стало больно.

– Пусти придурок, больно же, – Фёдор попытался вырваться, куда там, как клещами.

Тогда он извернулся, и подав правым плечом вперед сильно укусил парня за руку. Тот вскрикнул, оторопел. Фёдору хватило, и через этот миг он уже был в дверях бокса.

– Ах ты гаденыш мелкий, ещё и кусаться.

Токарь десантник решил продолжить знакомство с Фёдором, но тот уже педалил со всех сил, ругаясь про себя. Немного успокоившись начал читать Иисусову молитву. Вот бывает же так, хотел как лучше, а получилось как у Черномырдина. Ну и мужик тоже, больной какой-то. Ни с того ни с сего взъялся. На ребенка считай руку поднял. Псих, однозначно...

Он точно опаздывал на тренировку, а отжиматься, теперь уже двести раз за второе неоправданное опоздание никак не хотелось. Фёдор крутил во все силы, заодно прокручи-

вая сегодняшней день с самого утра. День какой сегодня, насыщенный событиями: виноград, уход от банды маленьких цыганят, завоз дров, уход от вспыльчивого токаря, письмо от Веры. Письмо Веры, зря он его оставил, надо было с собой брать, а так придется после тренировки заезжать опять к Анне Сергеевне. Хотя нет, её не будет, она в ночь сегодня кажется. Ну и ничего, ключ у него есть.

– Ты что Фёдор, опять? – нахмурил брови Николай Александрович.

– Так еще две минуты, – не согласился Фёдор.

– Какие еще две минуты? – Николай Александрович включил радио.

Фёдор, пользуясь моментом, нырнул в зал, и уже становясь в строй услышал позывные Маяка, успел-таки. Значит у него часы идут правильно, пусть Николай Александрович сам со своими курантами разбирается.

Минуту спустя в зал вошел тренер. Николай Александрович поздоровался, дал команду рассчитаться по порядку номеров. Шестьдесят восемь человек, сегодня даже больше среднего.

– Ну вот что хлопцы. В начале ноября, в период осенних школьных каникул, у нас два турнира. По боксу и по самбо. С сегодняшнего дня начинаем готовиться. По боксу турнир посвящен годовщине Октябрьской Революции, пройдет в Кишиневе восьмого и девятого ноября. Возраст с двенадцати лет.

Тренер ходил вдоль строя, пристально вглядываясь в лица ребят. Ребята все хорошие, стараются, выкладываются по полной. Нет, есть конечно любители посачковать, но эти отсеются сами, начнут проигрывать и уйдут. Не все, некоторые поймут и перестанут давить лентя. Есть трудяги, эти пашут на всю катушку, стараются. Некоторые и возьмут своё, но выше первого разряда не поднимутся, максимум КМС. А вот есть самородки, у этих всё в тонусе, и талант от Бога, и работоспособность немеренная, и умение держать удар. Удар судьбы в том числе. Их немного, пяток, может десяток, там будет видно, но за этих ребят он готов умереть. Хоть сейчас.

Николай Александрович остановился напротив Фёдора. Хороший парень, перспектив немерено. Станный конечно, пропускает занятия. Но не по лени, это видно. Сам работает, сто потов на тренингах проливает. На тренировках, пожалуй самый влаживающийся, но почему пропускает? Тренер улыбнулся.

– Ну что, Фёдор Александрович, хочешь биться?

– Хочу Николай Александрович, но ведь там с двенадцати лет.

– По боксу да, с двенадцати. Но есть еще сюрприз. Всем внимание!!! В Одессе со второго по четвертое ноября очень представительный турнир по дзюдо, съедутся лучшие борцы, в том числе с Украины, Краснодарского и Ставропольского края и даже с Белоруссии и Кавказа. В том году приехало семнадцать команд, мы выступили очень достойно, заняли седьмое место. В этом году команд будет больше, это понятно, однако и задачу мы ставим серьезнее – войти в четвёрку. Возрастных категорий в этом году меньше. До двенадцати лет, до четырнадцати лет

и до семнадцати лет. Всего три. Но предупреждаю, на соревнование поедет лучший в своей весовой. Здесь и малое количество мест в ПАЗике, двадцать три, и самое главное, лимит по деньгам, отпущенный на выезд. Короче едет восемнадцать спортсменов, по шесть в каждой возрастной. Ну и ещё два тренера, это понятно. Кстати, предупреждаю сразу, по окончании четверти приносим дневники, у кого двойки за четверть, на соревнования не поедут. Вопросы?

– А девочки куда-нибудь поедут? – не утерпела Галя.

– Нет Галя, в это раз девочки не едут. Во-первых, вы ещё по возрасту не вышли, во-вторых, пока женского бокса у нас нет. Но вы не расстраивайтесь, думаю, удастся съездить в Кишинев к Новому Году на самбо. Знаю, в Кишиневе девочки занимаются и самбо, и дзюдо. Ещё в Тирасполе дочки тренерские прилично борются, в Бельцах тоже слышал есть девчонки, в Унгенах видели девчонок в секции борьбы. Думаю, наберётся женского пола. А женский бокс всё равно будет, тренируйтесь, побеждайте мальчишек. Всё будет, вот увидите.

Вопросов было немного, в принципе понятно, поедет лучший. Без двоек. На три дня с двумя ночёвками. И его берут. Классно? Фёдору всегда нравились выезды на соревнования, весёлая дорога, проживание в гостиницах, талоны на питание, когда можно есть от пуза. Сам азарт, мандраж перед боем, вскипание адреналина в крови. Схватка. Эта сильнейшая эмоциональная и физическая встряска организма. Но сейчас, сейчас он попытался найти в себе то нервное возбуждение от предстоящего мероприятия и не смог. В душе пусто, чисто и прохладно, почти холодно. Берут, так берут, будем биться. Будем побеждать. Всё ровно, никаких эмоций и возбуждения от предстоящего события. Старость не в радость?

– Сейчас разбиваемся на три группы, старшие, средние и младшие. Проводим разминку. Старшие во двор. Иванеев, проводи. Средние во двор, Мишанин, вперёд, ты проводишь. Младшие в зале, Руснаков старший, занимайся. Попутно подходим по трое на запись, будем взвешиваться. Всё. Начали.

Тренер хлопнул в ладоши и ребята, на удивление организованно растеклись на группы, направляясь кто куда. Фёдор построил младших, в которых он сам и был наверное самым младшим, и повёл разминку.

Бег, тридцать кружков. Если каждый по восемьдесят метров, то два с половиной километра. На повороте Фёдор пересчитал бегущих за ним – двадцать два, группа разбилась по возрасту примерно в равных долях. Это хорошо, есть резервы. А на самбо ходит ещё больше. Ладно, поехали дальше, приставные, задние, прыжковые, всё как обычно, без суеты и толканий. На повороте стало заметно, что младшие начали отставать, девочки тоже. Запыхались уже. Хорошо, разминаемся на месте...

К концу тренировки подозвали взвешиваться и Фёдора. Сорок килограмм. Сто сорок один сантиметр.

– Многовато конечно, но при таком росте вроде и не много – тренер в задумчивости почесывал подбородок, – лишнего веса нет, всё гармонично, ни жира, ни складок. А тебе точно восемь лет? По виду, по росту и весу тебе лет десять – одиннадцать, а то и более.

– Восемь точно. В феврале будет девять. У меня свидетельство о рождении есть. И у мамы в паспорте записан вместе с братом. А то, что большой такой, так сам не знаю. Может потому, что ем много, – на полном серьёзе ответил Фёдор.

– Нет, мне не жалко, ешь на здоровье, а мы будем думать, что делать. Но похоже ты в тяжах так и будешь ходить. Вес не скидывай, без толку это, лишнего у тебя нет ещё раз повторяю. Форма хорошая, скорость прибавил, тоже неплохая, выносливость хорошая, техника отменная для своих лет. Будем работать. Самое главное не пропускай тренировки. Понял?

– Понял.

– Всё, иди. Готовься в Одессу ехать бороться.

Фёдор вернулся к своим и уже издали увидел, как Васька поколачивает Галю. Та выставила ноги на одну линию, да ещё и центр тяжести постоянно переносила вперед. Васька не прощал, и хоть и приседал, нанося широкие удары, но был быстрее, и Гале доставалось хорошо.

– Стоп. Галя, ну что ты делаешь? Зачем ноги на одну линию ставишь? Разъедини их. Ты должна прыгать как кузнечик по рингу, жалить как оса, а ты как связанная по ногам, ещё и вперед заваливаешься постоянно.

Послышалась команда на построение. Тренер поблагодарил за тренировку, боксёры потянулись цепочкой жать тренеру руку. Фёдор посматривал на Галю, вся красная, не слабо ей досталось. Но виду не подаёт, кажется даже довольная. Чудно...

Домой ехали по Котовского, впереди Василий с Инной, чуть сзади Фёдор с Галиной. Пока ехали негромко переговаривались. Фёдор вспомнил про адрес.

– Галь, а вы где живете, мне адрес ваш нужен.

– Это ещё зачем? – насторожилась Галя. И тут же засмеялась, – В гости хочешь зайти?

– Дрова завтра привезут, часа в три. Дед в курсе.

– Ааа, это что вы с Володей договаривались? В воскресенье?

– Да, всё верно, когда к Володе с Аурикой заезжали.

– Помню. Мы сейчас уже подъедем, сам и увидишь.

Действительно, буквально сразу, они подъехали ко двору Галины с дедом Сашей. Жили они совсем рядом с винзаводом, чуть не напротив. Удобно, и до школы рукой подать, и до города близко, и до Днестра недалеко.

– Федь, подожди, я тебе на бумаге запишу.

– Да не нужно, я так запомню.

– Нет нет, я запишу, – и махнула рукой ребятам, – Вы езжайте, мы с Федей задержимся.

– Ладно, пока, до завтра, – улыбнулась Инна.

Васёк пожал руку, – Завтра придёшь? Ведро твое брать?

– Приду конечно, ты что?

Василий с Инной поехали дальше, и пока не скрылись за небольшим поворотом Фёдор с Галей смотрели им вслед.

– Пойдём? – предложила Галя.

– Да я здесь подожду, ты беги за бумагой и ручкой.

– Федь, пойдём, а? Посидим, поужинаем, чаю попьём, поговорим. А может останешься? Дед в Оргеев уехал на три дня, две ночи дома его не будет. Я одна.

Федора как холодной водой окатили. Да что это такое в конце концов. Он что, такое доверие вызывает, или не понимает что-то в этой жизни?

– Ты что? Боишься одна?

– Нет, не боюсь, не в первый раз. У нас и собака прямо за калиткой. Гавкает.

– Что-то не слышно её.

– Она умная. Мой голос слышит, вот и молчит.

– Понятно.

Воцарилось молчание. Было слышно их дыхание, ровное и спокойное. Мимо проехал автомобиль. Фёдор взглянул на часы. Пол восьмого. Вдохнул. Ну вот не может он остаться. Его ждет письмо от Веры. Моей милой, любимой Веры. Ещё его ждут мама с Ванечкой. Хотя может, Ванька уже спит. Он тоже вечером рано ложится. Или мама рассказывает ему сказку. Мама, родная моя мамочка. А может она, дожидаясь его, что-то пьёт. Нет, не может он. Блин, ну почему, когда надо, всё идёт не так как надо...

– Федь, останься, а? Мне очень грустно и одиноко. Останься?

1999. Тридцать первое декабря. Интерлюдия третья. Фёдор

– Федь, останься, а? Мне очень грустно и одиноко. Останься?

Воцарилось молчание. Было слышно их дыхание, ровное и спокойное. Во дворе завёлся автомобиль, водитель пару раз прогазовал, оставил на холостом ходу прогреваться. Фёдор взглянул на часы. Почти девять вечера. Вдохнул. Ну вот не может он остаться. Его ждут Олег с Христиной. И племянник с племянницами: Настя, Лена и Матвейка. А ещё мама, моя родная, любимая мамочка. Сейчас они уже накрывают на стол и готовятся к проводу Старого Года. Впереди двухтысячный. Миллениум. И хотя семья блюдет Рождественский пост, и на столе

всё постное, но дети. Как их оставить без деда Мороза и Нового Года? Тогда он думал именно так. К сожалению, именно так. Нет, не может он...

Гришку убили двадцать восьмого декабря, на третий день штурма Грозного. Типа зачистки проводили, хотя какие там зачистки, настоящий штурм. Убили по глупому, но когда на войне смерть бывает умной. И всё же. Через улицу, считай дорогу, перебежала толпа гражданских, жёны, дети. И надо же, какая-то мразь стала щелкать их, как цыплят. Один, другой. Завыла женщина, бросившись к снятому подонком – снайпером ребёнку. И Гришка не выдержал, перестал махать и орать из-за угла дома, выскочил, стал оттеснять всех под дом, пинками буквально сгонял с улицы. Вот и схватил. Точно в левый бок, под сердце. Не спасла шестерочка. Но жене такого не скажешь. Вот не скажешь, что погиб он за тех, чужих чеченят и чеченок. Не поймёт. Да и чужих ли, если свои же, ваххабиты ложили их один за другим. Хотя что это он, с каких пор ваххабиты стали для чеченцев своими?

Фёдор сам привёз труп домой. Похоронили Гришку тридцать первого, после обеда, когда вся страна уже начинала праздновать. Жена Ольга, и он, Фёдор ещё долго стояли у могилы. Было не холодно, и всё же ветер, пронизывающий и сырой, раздевал донага, и Фёдор скоро замерз в своей летней ветровке, но терпеливо ждал. Чего? Он не знал толком, скорее всего, когда Ольга решит уйти, чтобы уйти вместе с ней. Он не мог уйти раньше неё. И он терпеливо ждал. Уже давно замёрзли ноги в летних туфельках, от холода заколотило дрожью и застучали зубы, но он ждал, он не мог уйти раньше и бросить её у могилы одну. Какое-то необъяснимое упрямство овладело им, и стало откровенно ясно, он не уходит ещё и потому что это его долг. Долг перед Гришкой.

– Пойдём Федь, ты совсем замерз, – наконец промолвила Ольга, красивая стройная брюнетка, и быстро, словно торопясь догнать упущенное время пошла к машине. В машине он первым делом включил внутренний обогрев на полную мощность, и они долго не могли согреться, а он только сейчас заметил, что Оля тоже сильно замерзла. Руки были красными, и Оля пожаловалась, что под ногтями колет иголками...

Доехали быстро, подружка Ольги, сидевшая с Костиком, сразу же убежала встречать Новый Год, и они остались вдвоём. Посидели немного, помянули Григория чаем. Говорить было нечего, и Фёдор испытывал неудобство, перешедшее в лёгкий стыд, а потом в самобичевание. Ольга не знала, что он тоже мог быть в той группе, но тут привели пленных, и его попросили остаться на фильтрацию и допросы. Он и остался. Уйди он с Гришаней всё могло повернуться иначе...

Ольга пошла улаживать Костика спать, и он остался на кухне один. Где-то играла музыка, Алсу напевала про зимний сон, а на душе у Фёдора было дерьмо. Самое настоящее. Но вот Ольга вышла, и он наконец-то собрался уходить.

– Федь, останься, а? Мне очень грустно и одиноко. Останься? Прошу...

Он не остался, и поехал встречать Новый Год с семьей, а утром его разбудил какой-то старший лейтенант Савельев.

– Прошу Вас, товарищ капитан, подъедьте к нам в тридцать седьмое отделение...

Ночью, в три часа, Григорьева Ольга Борисовна, в состоянии сильного алкогольного опьянения вышла из балкона своей квартиры на улицу. Внизу очищенный коммунальщиками асфальт. Восьмой этаж двенадцатиэтажного дома. Шансов уцелеть не было...

Костика взяли Христа с Олегом. На сердце у Фёдора появился ещё один шрам, а в душе ещё одна выжженная поляна.

Фёдор знал, что Ольга никогда в жизни не пила, даже шампанского на своей свадьбе. Даже за помин Гришки только чай и сок томатный...

Глава 8. 1973. Третье октября. Всё не так как надо. Галина

И вот теперь опять.

– Федь, останься, а? Мне очень грустно и одиноко. Останься?

Письмо Веры на столе в её комнате ждёт его. Его ждала мама, и спящий Ванечка...

Мальвина, настоящая Мальвина. Отблески покачиваемого уличного фонаря периодически отражались в её глазах, голубых на свету, и непонятно каких здесь, в почти полной темноте. Он глядел на неё, замечал, как лёгкий ветерок шевелит волосы, и ему очень не хотелось оставаться. Ну просто очень не хотелось. Фёдор глубоко вздохнул, ладно, чего уж там, письмо прочитает завтра, перед мамой извинится. Прости мама, прости Вера.

– Хорошо. Пойдём. А если дед узнает?

– Пусть, я не боюсь.

– Не выпорет?

– Я не боюсь, – повторила девочка, – Проходи.

Как похоже, это ведь уже было...

Они прошли мимо огромной дворянки, на удивление послушной, даже не оскалившей зубы. Галя отпустила её с короткой цепи на проволоку вдоль забора, но пёс не спешил бежать, удивлённо рассматривая Федора. Типа это кто такой, почему не знаю.

Дом внутри оказался много больше чем казался снаружи. Тамбур, веранда – столовая, из нее коридорчик в дом. В доме три комнаты, большая зала, две спальни, и прямо небольшая кладовка. Фёдор встречал такую планировку дома, когда-то сам хотел такой строить. Компактный и функциональный.

– Проходи, – посторонилась Галя, – кушать будешь?

– Буду, очень есть хочется.

А что, женщинам всегда нравится, когда гости хорошо едят. Надеюсь она хорошо готовит.

– Слушай Галя, а где твои родители? А то всё дед, да дед, про папу с мамой и не слышу вовсе.

Фёдор задал вопрос, и на интуиции понял, что вопрос смутил. Галя насторожилась, насупилась, потом вроде нехотя ответила.

– Они в Африке, в командировке, в Гвинее бокситный комплекс строят. Отец инженер, мать инженер – переводчик. Запуск в следующем году планируется, так что пока я сирота.

Галя поставила на сковородке греться плов, быстро нарезала хлеб.

– Салат будешь? Из помидор. Если будешь, сейчас нарежу.

– Можно. Со сметаной?

– С маслом.

Быстро нарезала томатов, почистила лук, стала мелко нарезать луковицу. Движения её и так быстрые, ускорились. Быстро как всё делает, как взрослая женщина, даже скорее, как автомат, мелькнуло у Фёдора.

– Галя, а ты почему решила заняться боксом и самбо? Не девичьи виды спорта.

– Знаю, но я не для результатов, больше для того чтобы за себя постоять. Впереди времена тяжёлые, пригодится.

У Фёдора что-то щелкнуло. Впереди времена тяжёлые, знакомые слова. Он внимательно смотрел как Галя режет лук. Быстро режет. Очень быстро. Быстрее мамы, быстрее Веры, быстрее Арени, быстрее Анны Сергеевны. Очень быстро.

– Как учёба? Вся школа на ушах, удивляется, как ты смог за один месяц сдать три класса. Талант.

– Да брось ты. Читать давно научился, с трёх лет с мамой в библиотеке пропадал, она на работу и я с ней. А что ещё делать в библиотеке? Поневоле научишься. А там и всё остальное пошло. А ты как?

– Пока не знаю, толком ещё не учились, сравнивать не с чем.

Фёдор внимательно разглядывал Галину. Толком ещё не учились, сравнивать не с чем. Почему ещё толком не учились? Быстро режет помидоры и лук. Впереди времена тяжёлые, пригодится. Мне очень грустно и одиноко. Что за...

Галя взглянула на него, и он поймал испуганный взгляд девочки. Чего она испугалась? И уже не впервые. Она его боится? И пригласила в гости? Ночевать?

– Галя, ты откуда?

– Не поняла, ты о чем?

Фёдор резко встал, взял её за руки, притянул к себе. Ресницы голубых глаз испуганно хлопали, пытаясь защитить хозяйку от грубости.

– Ты что, Фёдор? Отпусти, ты делаешь мне больно.

– Извини, показалось.

Фёдор сел на место, не сводя глаз с девочки. Галя тоже села на табурет. Их взгляды пересеклись, и он понял, нет, не показалось.

– Рассказывай, самой же легче станет. Ты же оттуда? Правда?

Галя вздохнула, – Правда. Ты ведь тоже?

– Тоже, ты как догадалась?

– Умный больно, а ты как?

– Тоже не глупа, рассказывай давай.

– А ты не груби, а то не буду.

– Хорошо, буду нежным и ласковым, не томи только. Ты же мне как родная, как сестра, давно оттуда?

– С первого сентября, – Галя глубоко вздохнула. – Ладно, слушай.

Она встала, заходила по кухне взад – вперёд. Волнуется девчонка.

– Всё в той жизни у меня шло не так. Всё не так как надо. Родители погибли, когда семь лет исполнилось, только в первый класс пошла. Дед вместе с ними. Разбились на Кавказе, на одном из горных серпантинов. Сколь там людей побилось с непривычки, вот и моих угораздило. Мы с бабушкой с ними в тот день не поехали, я внезапно приболела. Росла с бабушкой. А у бабушки мечта была, монахиней стать. Но отец выдал замуж, родителей ещё слушались. Потом дети, внуки, всё закрутилось в жизненной суете. А тут такой шанс, она одна и внучка. Решила постриг принять. О ювеналке тогда не слыхивали. Слава Тебе Господи.

Девочка перекрестилась.

– Через десять лет бабушка постриг приняла, тогда с этим легко было, страна только в православие возвращаться начала. Всё в Церкви было чистым, свежим, незамутнённым. Вместе с бабушкой и я в монастырь наладилась, жила и трудилась во Славу Божью. Потом инокиней, наконец монахиней. Мне нравилось. Ой, плов горит.

Галя вскочила, перемешала плов, – Господу помолимся?

Помолились, сели ужинать. Фёдор не торопил, ждал продолжения. Галя разложила плов по тарелкам, посолила и заправила маслом салат. Фёдор принялся за еду. Галя пока не ела, улыбаясь смотрела как он ест.

– Бабушка умерла не своей смертью, выбросилась с четвёртого этажа онкодиспансера. Успела к ней добежать, умирала на моих руках вся переломанная, сказать ничего не могла, только глядела. Последние месяцы я за ней в богадельне при монастыре дохаживала, а тут её увезли в Нижний, и чрез два месяца выписали назад, умирать. Не успела я её забрать. Считанные минуты не успела...

Галя заплакала, прижимая платок к лицу. Через минуту вытирая слёзы продолжила.

– Грех такой взяла на себя. Даже обычному мирянину этот грех страшнее смертного, а монахине...

Галя окончательно успокоилась, перестала всхлипывать. Только взор оставался затуманенным, не здесь находящимся.

– Духовник благословил молиться за неё келейно. А я стала и акафисты читать, каждый день, да не по одному. А года через три после её смерти стало у меня болеть в груди, чем дальше, тем больше. К врачу не торопилась, думала само рассосется, а как невоготу стало, призналась игуменье, ох и бранила она меня. Через знакомых направила в Нижний, на полный курс обследования, там и выявили рак. Надо бы на лечение ложиться, а у меня ни паспорта, ни СНИЛСа, ни медицинского полиса. Пока думала, время ушло. Игуменья рукой махнула, чуть не в буквальном смысле, делай что хочешь, и отвернулась. В скит сослала помирать. Бог ей судья. Прости мя Господи, что ж я такое молвлю.

Галя перекрестилась. Замолчала.

Фёдор доел плов, и Галя сразу наложила добавки. Вкусный плов, и Галя ему нравилась, расторопная девчонка. Не задаётся.

– Вкусный плов, сама готовила?

– Сама. Я в монастыре в трапезной послушание несла, подучилась. И до смерти, и после смерти бабушки работала. Попутно ещё за ней ухаживала. Тяжело было, роптать начала, может потому такие испытания мне и уготовились.

– А как сюда попала?

– Как сюда попала? Боль потихоньку становилась нестерпимой, подседа на обезбаливающие. Благодетель у меня объявился, из Нижнего, из больницы. Он домик в селе купил на последние времена, меня пустил туда пожить. Приезжал по выходным, привозил морфин, советы спрашивал, чем могла помогала, но что я, старица что ли. И надо же, другие порой за месяц, два сгорают, а у меня третий год пошёл. Боль всё сильнее становилась, жизнь с овчинку стала, ничего не радовало, зависла между жизнью и смертью, ни туда, ни сюда. Такое вот мне Господь испытание послал. А я не прошла. Уже одурманена была до крайности, дозы становились всё сильнее, и сильнее. А стоит промедлить, от боли в круг скручивало, а что толку, хоть кричи, хоть не кричи. И жизнь как в тумане, всякие сцены полезли. Как-то в зеркало взглянула

и страшно стало. Смотрит на меня ведьма, худая, старая. Ох как страшно стало, но понимаю, хоть кого состарит боль и страх. Взмолилась ко Господу, молчок. Стала молиться. Почувствовала, не как раньше молюсь, а истово как в последний раз. То в пот бросало, то в холод, озноб по спине идёт. Мороз чувствую, пальцы щипит, и понимаешь Фёдор, страшно до ужаса. Весь день, всю ночь на коленях, до крови. Но я на ноги внимания не обращала. Боли эти в сравнении с грудными так, ни о чём. От усталости и боли падать стала. Как-то головой приложилась о пол, совсем беда. Еле встала. Ещё и головные боли пошли, совсем я поникла. Взмолилась святой мученице Галине, уж она такие мучения перенесла за Христа. Вот так и вышло.

– Так тебя мученица Галина перенесла сюда?

Галя молча кивнула, – А тебя?

– Меня праведный воин Феодор Ушаков.

– Знаем его, тоже сильно почитаем. А ты что здесь потерял, почто там не умирал?

– Я в органах служил. В органах безопасности.

– Комитетчик?

– Ну да в принципе. ФСБэшник.

– наших гонял?

– Каких еще наших?

– Тех, кто сатанинские паспорта не брал, ИНН, СНИЛС, биометрию, прививки не делал.

– Нет, что ты. Я с террором боролся. Вначале покидало по свету добровольцем. С Приднестровья в девяносто втором. Потом Абхазия, Босния, Сербия, Чечня. С девяносто шестого в органах. Мать умерла, брата убили, сестра отравилась случайно, племянники правда остались, но кто я для них. Друзей растерял, кого поубивало, кто ушёл в другие ценности. А потом и сам на пенсию вышел. Купил домик в деревне, отремонтировал, навёз продуктов, оружия. Хозяйство завёл: козу, кур, собаку хорошую, и стал тосковать. Так и вышло, что теперь здесь.

– Не женился?

– Не пришлось, без семьи прожил. А ты?

– Куда там, я ведь всю жизнь в монастыре. Так нецелованной и осталась.

– Не жалеешь?

– Не знаю, теперь не знаю, – призналась Галя. – Вроде новая жизнь началась первого сентября, впереди чистая дорога, а на душе мутрно.

– И я первого. Что делать будешь?

– Если честно, совсем не представляю, – повторилась Галина. – Всё вокруг чужое, душа ни к чему не лежит. Как представлю, учиться опять сначала, всю школу. Стоит ли? На сердце боль и печаль.

– Когда тебя первый раз увидел так не показалось.

– Поначалу да, как очнулась, прислушалась, – ничего не болит, в эйфорию впала. Тело молодое, послушное, вся жизнь впереди. Радости конечно много было. А потом понимание пришло. Я одна. Зачем я здесь? Для чего? Что потеряла?

– Мне кажется брось хандрить. Это раз. Ускоренно проходи все классы, это два. Получай образование с сопутствующими навыками и умениями. Это три. Ты знаешь будущее, и можешь к нему подготовиться. Можешь изменить свою жизнь, выйти замуж, родить детей, добиться успехов в жизни. Представь, какие перспективы вырисовываются перед тобой, зная будущее наперёд.

Галина не ответила. Молча убрала посуду, поставила чайник на плиту. Вытащила из шкафа чайные чашки с веселым цветочным рисунком. Поставила вазочку с клубничным вареньем, печенье, баночку сгущенки, розетку с карамельками. Также молча помыла и стала вытирать полотенцем посуду. Фёдор тоже помалкивал, не хотел надоедать. Поглядывал то на неё, то в окошко. На улице заморосил слабый дождик. Капельки, весело соревнуясь, сползали по стеклу окна, оставляя за собой длинный след. Уличный фонарь хорошо подсвечивал ту сторону, и было видно, как две капли объединились и резко ускорили свой бег. Фёдор вздохнул. И это уже было в его жизни. Было.

Так и люди, подумал Фёдор, ползут по одному и каждому нелегко, объединяются и дело идёт быстрее и легче. Да и веселее вдвоем. И, взглянув на Галинку понял, ей сейчас очень тяжело. Ей действительно очень грустно и одиноко. Он встал, подошёл к ней. Галя стояла спиной, продолжала вытирать уже на сто раз сухую посуду. Почувствовав сзади Фёдора остановилась не поворачиваясь.

Фёдор безотчетно, повинувшись вспыхнувшему чувству жалости, обнял её сзади. Сомкнул руки на животе, положил голову ей на шею. Галя вздрогнула, замерла, ситуация зависла. Фёдор понял, что сделал что-то не то, но как поступить дальше не понимал. Долго ли стояли они так, но наконец Галя отстранилась, развернулась к нему лицом.

– Феодор?

– Давай вместе учиться. Я десять дней назад сдал за три класса, до Нового Года сдам за четвёртый. На следующий год, летом, за пятый. Давай вместе. Ты же знаешь, времени немного, а мы должны многое успеть. Мы должны отучиться, научиться, ворваться в верхний эшелон власти и изменить будущее.

– Зачем мне это? Для того, чтобы служить Господу образование не обязательно, умеешь читать, писать, и ладно.

– Здравствуйте. Ты что Галь? Как это необязательно? Конечно, наличие образования не ведёт в Царствие Небесное, но ты, получив образование, можешь использовать его в помощь другим. Больным, страждущим, нуждающимся. Что-то не то ты говоришь.

– Не знаю, никогда к учёбе не тянуло, и сейчас не тянет, ни капельки. Пустое это занятие.

– Послушай Галь. Все мы знаем пророчества о пришествии в последние времена на Русскую Землю Православного Царя. Но ведь пророчества пререкаемы. Пререкаемы, не так ли? Пришествие Царя необязательно. Пришествие Царя очень возможно. Если его будем ждать и готовить. Мы, ты, я, другие. То есть его нужно вымолить. Хорошо, будем каяться и молиться. И вот он пришел. Как ты думаешь, легко ему будет? Представь, если все верные подданные будут плохо развитыми, ограниченными и скудоумными. Он на кого опираться будет? А? Кто ему верными слугами будет? Кто будет министрами, генералами, учеными. Опять эти?

Фёдор презрительно сморщился.

– Кто будет людей лечить, детей учить, заводы и фабрики строить? Кто Родину защищать будет? Или вы, молитвенники во всём на Господа надеетесь? А Он вам по молитвам в постель всё принесет? Вот представь, Дмитрий Донской не воинов учит биться, а все молятся стоят. На них орда летит завывая, а они стоят и молятся.

– Но и у Дмитрия Донского был Сергей Радонежский со братией. И пока Донской с ратью против ворогов стоял, Сергей с братией молился, разве не так?

– Да всё правильно говоришь. Но разве Сергей Радонежский был невежей и неумейкой? Разве Серафим Саровский не ушёл в дремучий лес с одним топором? Не сам себе сложил сруб для жилья, и не маленький между прочим? Разве не сам очистил землю и содержал весьма приличный огород? Разве Лука Войно Ясенецкий не был одним из лучших хирургов своего времени? Может самым лучшим? А знаешь, за что он Сталинскую премию получил, двести тысяч рублей, огромные деньги кстати, знаешь? За разработку новых хирургических методов лечения гнойных заболеваний и ранений. Ещё в сорок третьем году написал книгу. Представь, скольких людей он спас? Десятки, может сотни тысяч раненых. И что, он плохо молился?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.